
Юрий Буреве
тишина
страшнее
крика
ОФИС
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
психологический триллер

Юрий Буреве

Офис

«Автор»
2026

Буреве Ю.

Офис / Ю. Буреве — «Автор», 2026

Здесь никто не повышает голос. Здесь улыбаются, пьют сладкий чай и по пятницам анонимно решают, кто лишний. Здесь можно не помнить, что сделал, и спать спокойно.Цивилизация держится на тонкой плёнке сочувствия. В офисе открытого типа она рвётся бесшумно, под гул кондиционеров. А под ней обнаруживается что-то древнее, голодное и абсолютно вменяемое.Роман о том, что просыпается в человеке, когда ему больше не больно за другого.Все совпадения случайны.

© Буреве Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Эпиграф 5
Глава 1. Паша из архива 6
Глава 2. Регламент 12
Глава 3. Опись 18
Глава 4. Понарошку 24
Глава 5. Исправленному верить 30
Глава 6. Стекло 36
Глава 7. Приёмка 43
Глава 8. Опись имущества 49
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Юрий Буреве
Офис

Эпиграф

И сказал Господь Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему?

— Бытие, 4:9

Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание.

— К. Маркс, «К критике политической экономии»

Порядочный человек останется порядочным при любых обстоятельствах. Обстоятельства не меняют нас — они нас проявляют.

— А. В. Верховцева, «Границы»

Глава 1. Паша из архива

Сутки 1, 09:00

К девяти у единственного рабочего лифта собралась очередь. На дверях второго висел лист А4 с надписью «РЕМОНТ»; нижний угол отклеился и загнулся наружу. Павел Земсков замечал его каждое утро и каждое утро проходил мимо. Лифт приходил раз в несколько минут, и на этаже уже начинали спрашивать, где он.

В зеркале кабины Павел поправил воротник. От мокрых пальто пахло улицей, от чьего-то бумажного стакана — корицей. Портфель он держал перед собой обеими руками, чтобы не задеть женщину с коробкой картриджей.

На седьмом этаже его обогнала Диана Лебедева. Она шла быстро, не сбиваясь даже у турникета, где обычно приходилось искать пропуск.

— Доброе утро, Паша из архива. Сегодня выдача документов по талонам?

— Если хотите, сделаю талоны, — сказал он.

Диана засмеялась и направилась к своему столу. Ей уже звонили; телефон она достала из кармана на ходу.

За дверью «Вектор-Трейда» гудели сорок рабочих мест. В стеклянной переговорной кто-то рукавом пиджака протирал доску. У кулера стояла надорванная сбоку пачка одноразовых стаканов; возле кофемашины на столешнице накапало, и сладкий запах старого молока смешивался с запахом нагретого пластика. Через проход Марина Ткач развешивала на спинках стульев бейджи для гостей. Она зажала маркер зубами, пока искала что-то в блокноте.

— Паша! — позвала Вера Николаевна из кухонной зоны. — Иди сюда, миленький. У меня своё, хорошее.

Она держала жестяную банку с чаем. Печенье уже лежало на тарелке веером: по два на человека, если никто не возьмёт третье. Вера Николаевна знала, кто ест с изюмом, кому нельзя сахар и кто только делает вид, что нельзя.

— У меня есть термос, спасибо.

— Термос подождёт. Деточка, я же заварила.

Она налила чай в кружку с надписью «ПАША ИЗ АРХИВА. НЕ ВЫНОСИТЬ». Кружку подарили ему на корпоративе. Тогда все просили показать дно: там было написано «ПРИ ОБНАРУЖЕНИИ ВЕРНУТЬ В АРХИВ». Павел показал, надпись прочли вслух три раза, и он смеялся вместе со всеми.

— Не выноси, — напомнила Вера Николаевна, подвигая к нему кружку. — А то опять искать будем.

За его спиной Ринат Ярыгин громко спросил:

— Паша, ты живой там?

Ринат стоял у прохода к переговорным с телефоном в руке. Даже не разговаривая по нему, он держал аппарат так, будто разговор прервали на середине важного слова.

— Живой, — ответил Павел.

— Прекрасно. Олегу нужен договор по складским услугам. Сегодня, а не после того, как он сам состарится.

Костя Берёзкин у соседнего стола прыснул в ладонь. Павел поднял кружку.

— Принесу.

— Вот видите, — сказала Вера Николаевна Ринату. — Паша у нас такой: не от мира сего, зато всё найдёт.

Павел отхлебнул чай. Вера Николаевна действительно заваривала его крепче, чем он сам. Он поставил кружку на салфетку, чтобы не оставить на столе круг, и забрал с собой.

Архив занимал бывшую кладовую в торце этажа. Окна там не было. Над дверью ещё сохранился крючок, на котором раньше висела табличка «Инвентарь». Павел видел её в первые годы работы. Теперь рядом с выключателем стоял маленький стол, дальше тянулись стеллажи с папками. Когда дверь закрывалась, голоса из переговорной становились глухими, зато слышно было, как гудит вентилятор под потолком. Он дребезжал на одной ноте и ненадолго стихал, если прижать решётку пальцем.

Павел поставил термос на стол и вынул из портфеля блокнот. Вместе с ним показался уголок открытки: жёлтый цветок на белом фоне. Он убрал её обратно, не вынимая, и разложил перед собой бумажный журнал регистрации договоров.

Одиннадцать лет он работал с этими журналами. Раз в квартал сверял записи с папками, даже если никто не просил. Сейчас просили чаще обычного. Компания сливалась с другой, в понедельник начинался аудит; письма с темой «Подготовка» приходили и тем, кто готовил документы, и тем, кто не открывал их годами.

Сначала Павел принёс Олегу Шарову папку по складским услугам. Олег, стоя у принтера, просмотрел обложку.

— Спасибо. Первое: оригинал здесь?

— Да.

— Второе: приложения?

— В конце, после акта согласования.

— Хорошо. Третье: когда закончите текущую сверку, пришлите список недостающего. Даже если список пустой.

Олег говорил по пунктам, даже когда пунктов было всего два. Павел кивнул, вернулся в архив и взялся за ближайший ряд.

На полке с договорами поставки между папками 416/Д и 418/Д не было места для ещё одной. Папка 417/Д стояла двумя секциями левее, после документов за предыдущий месяц. Корешок выступал на толщину пальца. Павел вынул её, ровно задвинул соседние папки и открыл журнал.

«417/Д. Поставки. ТрансЛайн-Ресурс. 18 октября».

В пятницу, когда Марина спрашивала его о датах для общей таблицы, он смотрел календарь за октябрь. Восемнадцатое приходилось на субботу. Павел ещё раз открыл календарь на телефоне: суббота. Он пролистал листы в папке. Подписи были, и возле них стояло то же число. В системе время создания скана значилось позже: 20 октября, 08:14.

Он закрыл вкладку, открыл снова и сверил номер. Всё совпадало, кроме времени создания. Сканировали позже, подумал он, так бывает. Но он записывал любое расхождение, даже то, которое наверняка ничего не значило. В блокноте появились номер, название, обе даты и место, где нашлась папка. У вопросительного знака в конце строки вышел длинный хвост; Павел зачеркнул его и поставил обычную точку.

Папку 417/Д он вернул в свою секцию, между 416/Д и 418/Д. Корешки пришлось поправить дважды. После второго раза они стояли ровно.

Из коридора донёсся голос Марины:

— Он здесь. Если дверь закрыта, это не значит, что его нет. Паша?

Павел оставил журнал раскрытым и вышел.

Марина Ткач вела по офису женщину в светлом жакете. В одной руке у Марины был блокнот, в другой — телефон с открытым расписанием. На телефон она смотрела чаще, чем под ноги. Перед дверью архива обе остановились.

— Это Павел Земсков, специалист по документообороту, — сказала Марина. — А это Алина Верховцева, наш внешний консультант. На время слияния помогает нам с климатом в коллективе.

— Здравствуйте, Павел, — сказала Алина.

Она не заглянула через его плечо в архив, хотя дверь была открыта. Смотрела на него, пока он отвечал. Павел заметил это и чуть сдвинул кружку, которую всё ещё держал в руке, чтобы надпись не была видна.

— Здравствуйте.

— Вы давно здесь работаете?

— Одиннадцать лет.

— Значит, можете рассказать, что в компании осталось прежним.

— Стеллажи, — сказал Павел. — Их перевозили вместе с нами.

Алина улыбнулась. Марина тут же что-то записала в блокнот.

Из кухонной зоны позвали на печенье. Марина подняла телефон:

— Нам туда. Заодно всех покажу, пока Ринат не увёл половину людей на совещание.

У кофемашины собрались те, у кого не было звонков. Лена Мещерякова стояла с картонным стаканом, на ободке которого остался след помады. Под глазами у неё пролегли тени. На вопрос Марины, будет ли она знакомиться, Лена ответила «да» и продолжила смотреть сквозь стекло переговорной. На безымянном пальце она крутила кольцо большим.

Артём Гусев снял крышку с кофемашины и заглянул внутрь.

— Сегодня она признаёт только латте. Остальное отрицает, как плохой свидетель.

— Перезагрузи свидетеля, — сказала Диана.

Артём поставил крышку на место. Он чинил всем принтеры и почти каждому говорил, что больше не будет.

Вера Николаевна предложила Алине печенье, затем пододвинула тарелку Павлу. Он взял одно. Костя потянулся за печеньем одновременно с ним, отдёрнул руку и смущённо улыбнулся.

Марина представила ещё нескольких человек. Когда дошла до Павла, Артём приподнял его кружку за ручку.

— Этот уже с удостоверением.

— Верни, пожалуйста, — сказал Павел.

— Не обижайся, мы же шутим.

— Я не обижаюсь.

Артём вернул кружку. Алина посмотрела на надпись, потом на Павла.

— Мне кажется, вы интересный человек.

— Он-то интересный, — сказал Ринат, проходя к кулеру. — Главное — дать ему рассказать, как он однажды запер себя в архиве.

Костя снова улыбнулся. Павел тоже. Эту историю Ринат рассказывал при новых сотрудниках, если встречал их рядом с архивом.

— Дверь заклинило, — продолжил Ринат. — Паша сидит там, ждёт, пока заметят. Мы час искали договор, а он вместе с Пашей за дверью.

— Замок заклинило снаружи, — сказал Павел. — Вы закрыли дверь, когда я вышел за коробкой. Я потом ждал слесаря в коридоре.

Ринат налил воды из кулера.

— В коридоре, в архиве. Смысл тот же.

— Он тогда и коробку не выпустил из рук, — добавил Артём. — Вот это я помню.

Павел посмотрел на Артёма. Коробку он отдал Лене: она помогала придерживать дверь, пока слесарь возился с замком. Лена стояла рядом, но в этот момент Марина обернулась к ней с вопросом о свободной переговорной.

— Да, наверное, я перепутал, — сказал Павел.

— Паша, — рассмеялся Ринат, — с тобой же невозможно нормально разговаривать, если ты начинаешь уточнять, где именно стоял.

Смех вышел коротким: у всех было чем заняться. Алина тоже на секунду улыбнулась. Павел видел, как её взгляд сначала остановился на Ринате, а потом вернулся к нему. Она улыбалась вместе с остальными, чтобы никого не перебивать.

Марина повела её дальше. У окна Диана уже показывала на доске схему отделов и называла должности без единой запинки.

— Паша у нас такой, — сказала Вера Николаевна вслед Алине, достаточно громко, чтобы Павел услышал. — У него всё по полочкам, даже воспоминания.

Алина обернулась и чуть приподняла брови, словно ждала от Павла ответа. Он поднял кружку в знак согласия.

— Вы не волнуйтесь, — сказала Марина, закрывая блокнот. — Период у нас сложный, но коллектив дружный.

— Я не волнуюсь, — ответила Алина. — Слияние всегда проявляет людей, но порядочный человек остаётся порядочным, что бы ни происходило вокруг. Я это видела много раз. Моя работа — не мешать.

Марина записала и это.

Олег подошёл за горячей водой.

— Павел, список по сверке нужен до обеда. По процедуре. Не забудьте.

— Не забуду.

— И по датам, пожалуйста, без приблизительных формулировок.

Павел кивнул. Даты в журнале были точные. Он хотел сказать Олегу про 417/Д, но тот уже прикидывал, сколько воды осталось в баке.

Возле кофемашины Марина спросила у Веры Николаевны, кого из сотрудников ещё не поздравили в этом месяце. Та загнула палец и посмотрела на Павла.

— Мы же твой день рождения тогда пропустили, деточка. Ты ведь сам говорил, что не любишь праздновать?

Павел помнил, как в тот день принёс маленькую коробку пирожных. Поставил её на общий стол. К обеду коробку убрали, потому что она мешала раскладывать ведомости. Вечером он забрал её, не открыв: все задержались в переговорной. Через неделю Вера Николаевна сказала, что совсем закрутилась.

— Наверное, говорил, — ответил он.

— Вот, — сказала она Марине. — Я такое запоминаю.

Марина сделала пометку. Павел поставил кружку в раковину и пошёл обратно в архив. Над дверью переговорной мигал индикатор бронирования: красный, хотя внутри никого не было.

В архиве пахло бумагой и чаем из термоса. Павел открыл его, налил чай в крышку и сел за список для Олега. Снаружи то придвигали стулья, то резко затихали: вероятно, Марина продолжала обход. Сквозь стеклянные стены переговорных были видны люди с бейджами, которых Павел ещё не знал.

Через некоторое время в дверь постучали костяшками пальцев. Тамара вошла с пустым мусорным пакетом в одной руке и чистым стаканом в другой.

— Павел, я вам стакан принесла. Вчера на сушилке ваш не нашла.

— Спасибо, Тамара.

Она поставила стакан на дальний край стола, подальше от журнала, и пригладила рукав серого халата.

— Ели сегодня?

— Печенье.

— Печенье не считается.

— Знаю.

Тамара кивнула на термос:

— Чай хоть горячий?

Павел налил немного в стакан. От стекла сразу пошёл пар.

— Горячий.

— Ну и хорошо.

Она забрала пакет из ведра, завязала его двумя неторопливыми движениями и вышла. На столе остался сухой чистый круг от стакана: перед тем как поставить его, Тамара протёрла донышко.

Павел дописал список. 417/Д он в него не включил: папка была на месте, листы внутри — тоже. Для себя он оставил запись в блокноте и собирался отдельно спросить Олега о скане.

В коридоре кто-то прошёл быстрыми лёгкими шагами, потом вернулся. В дверь заглянул Костя.

— Паша, вы тогда правда в коридоре стояли? Когда замок заело?

— Правда.

Костя посмотрел на стеллаж за его спиной.

— Я так и подумал. Там дверь снаружи закрывается.

— Тогда была другая ручка.

— А. Ну да. — Костя помял шнурок от бейджа. — Я просто… Неважно. Список Олегу передать?

— Я сам отнесу. Спасибо.

Костя ушёл, оставив дверь приоткрытой. Из-за щели потянуло запахом кофе. Павел подошёл и закрыл её, придерживая ручку, чтобы та не щёлкнула.

Когда он выходил со списком, у прохода к переговорным появился Станислав Рогов. Коммерческий директор держал под мышкой тонкую папку и говорил по телефону тихо, почти без пауз. Он закончил разговор, прежде чем обратиться к Павлу.

— Павел, будьте добры, зайдите ко мне после обеда.

— Конечно.

— Благодарю вас.

Рогов отступил на полшага, пропуская его. Павлу пришлось пройти между ним и стеклянной стеной, хотя места хватало с обеих сторон. За стеклом Лена раскрыла ноутбук и не подняла головы.

У стойки принтера Вера Николаевна раскладывала бумагу по лоткам.

— Ринат… то есть Рогов вас звал, миленький?

— После обеда.

— Значит, успеете поесть. Я оставлю вам печенье.

Павел отнёс Олегу список. Тот проверил, есть ли дата и подпись, и положил лист в прозрачный файл.

— По процедуре вопросов нет. Пустой список — тоже результат.

— Олег, по договору 417/Д скан создан двадцатого, а в бумажном журнале и в папке — восемнадцатого.

— Создание скана не равно регистрации, — сказал Олег. — Если вы спрашиваете о расхождении, напишите отдельной строкой, какие именно поля расходятся.

— Напишу.

Олег снова повернулся к принтеру. Там застрял край листа, и он вытаскивал его двумя пальцами, не касаясь печатной стороны.

На настенных часах было двадцать три минуты двенадцатого. Павел решил переписать строку для Олега сразу, пока помнил, где стояла папка. Он вернулся в торец этажа.

Дверь архива была закрыта. Павел вставил ключ, хотя утром оставил замок открытым, и только после поворота понял: ключ не понадобился, дверь поддалась сама. Он убрал руку с ручки и вошёл.

Бумажный журнал лежал закрытым. Не справа от блокнота, где Павел оставил его раскрытым на странице с записью о 417/Д, а слева, почти у края стола. Стакан Тамары стоял там же, в сухом круге.

Он открыл журнал на нужной записи. Подпись, восемнадцатое число. Потом подошёл к стеллажу.

Между 416/Д и 418/Д снова зияла щель. На этот раз папки не придвинули вплотную. Павел оглядел секцию слева, где утром нашёл 417/Д, затем нижнюю полку и стол. Папки не было.

Он достал блокнот. Запись сохранилась: номер, «ТрансЛайн-Ресурс», две даты, «стояла в предыдущем месяце». Дальше — зачёркнутый хвост вопросительного знака и точка. Павел закрыл блокнот, не загибая страницу.

За дверью Артём присел у системного блока под столом Марины. Рядом Вера Николаевна меняла воду в вазе; на подоконнике лежали три мокрых бумажных полотенца.

— Артём, ты не заходил в архив? — спросил Павел.

Артём выпрямился. На запястье остался след пыли от корпуса.

— Не-а. С чего бы?

— Журнал переложили. И папки нет. Четыреста семнадцать дробь Д.

Артём посмотрел на Веру Николаевну, потом на Павла.

— Ты сам просил переставить. Вчера. Ты опять путаешь, Паш.

Павел открыл рот. Вчера у него был отгул: до обеда он просидел в очереди в поликлинике, а вечером долго гладил рубашку, потому что утюг выключался раньше, чем нагревался. Портфель стоял у входной двери. Он помнил, как вечером переступил через него, не зажигая свет.

— Я вчера не приходил, — сказал он.

Вера Николаевна вынула из вазы стебель с почерневшим концом и положила на мокрое полотенце.

— Заходил, деточка. За какой-то папкой. Я тебя видела.

Павел посмотрел на её руки. Ногти были коротко острижены; к большому пальцу прилип кусочек прозрачной ленты.

— Я ещё спросила, не помочь ли, — сказала она. — Ты ответил, что сам поставишь иначе.

Он снова увидел портфель у двери своей квартиры. Ремень лежал поверх ручки или под ней?

Глава 2. Регламент

Сутки 1, 12:00

Павел ещё держал руку на пустом месте между папками 416/Д и 418/Д, когда из переговорной донёсся голос Рината:

— Все к столам в центре. На пять минут. Телефоны не оставляйте, возьмите с собой.

Последнее уточнение прозвучало громче первого. Ринат прошёл мимо архива, говоря по телефону, что перезвонит. Павел хотел спросить его о папке, но Ринат уже отнял аппарат от уха и поднял ладонь: вопросы потом.

Павел взял со стола блокнот и убрал во внутренний карман пиджака. Журнал регистрации остался на столе — закрытый не им. Павел вышел, повернул ключ и дёрнул ручку: замок защёлкнулся. Утром дверь открылась без ключа. Теперь Павел проверил дважды.

Часы над кухонной зоной показывали ровно двенадцать. Сорок человек разместились между рабочими столами: кто сидел, кто стоял. Двое отошли от принтера с листами в руках и замерли с ними на месте. В дальнем ряду кто-то закрыл ноутбук — мешал шум вентилятора.

Станислав Рогов стоял у переговорной «Байкал». Он дождался, пока разговоры стихнут, и заговорил негромко. Те, кто оказался сзади, подвинулись ближе. Павел заметил, как Диана сняла наушник и убрала в карман, не сматывая провод.

— Коллеги. Спасибо, что собрались быстро. У нас возникло обстоятельство, которое я предпочёл бы обсудить в обычном порядке. К сожалению, сейчас это невозможно.

Рогов обвёл взглядом ближайшие ряды. На Павле взгляд задержался не дольше, чем на остальных.

— Информация о готовящемся слиянии вышла за пределы компании и попала к конкуренту. Покупатель сообщил, что при повторении такого случая сделка будет остановлена. В понедельник начинается аудит. Совет директоров поручил мне обеспечить сохранность данных до его окончания.

У кофемашины щёлкнуло реле. Никто к ней не пошёл.

— С сегодняшнего дня вводится временный режим повышенной конфиденциальности. Понимаю, что это всего лишь формулировка, поэтому объясню, как всё будет устроено.

Рогов не смотрел в лист. Тот лежал рядом на подоконнике, прижатый стаканом воды.

Пропуска на выход с седьмого этажа заблокируют. Рабочий лифт останется доступен сотрудникам только для согласованных перемещений; на первом этаже их будет встречать охранник бизнес-центра Пётр. Лестницей можно будет воспользоваться в случае пожара, ключ от противопожарной двери хранится у охраны. Второй лифт не работал. Его лист А4 с отклеившимся углом был виден из прохода, если посмотреть поверх голов.

Личные телефоны предстояло сдать Вере Николаевне. Рабочая почта оставалась только для внутренней переписки; вся внешняя связь по служебной необходимости должна была идти через Рината. Семьям, сказал Рогов, уже отправили корпоративную рассылку: сотрудники заняты срочным выездным проектом.

Павел достал телефон. Сообщений от матери не было. Она пользовалась простым аппаратом и обычно отвечала вечером, когда возвращалась с прогулки. Павел положил телефон экраном вниз на ладонь.

— Переговорные на время переоборудуют для проживания. Диваны есть, дополнительные доставят. Душевая работает в раздевалке бывшего спортзала. Питание организует Вера Николаевна. За каждые сутки действия режима начисляется двойная оплата.

Вера Николаевна, стоявшая рядом с кулером, кивнула, словно речь шла о чае для совещания.

— Запасы есть, деточки. Доставку согласуем. Голодным никто не останется.

Павел вспомнил два пакета сухого печенья, которые она утром достала из шкафа и раздала — по два на человека. Тамара тогда взяла одно и незаметно отдала ему: «Печенье не считается». Сейчас Тамара стояла у тележки в проходе. Серый халат, перчатка на одной руке, в другой — сложенная салфетка.

— Дальше прошу выслушать внимательно, — сказал Рогов. — После слияния из сорока мест в нашем подразделении сохранятся двенадцать. Принимать решение будут с учётом профессиональных результатов и вовлечённости в режим. Под вовлечённостью мы понимаем соблюдение общих правил.

У кого-то коротко звякнул телефон. Звук выключили так поспешно, что Павел услышал, как аппарат ударился о край стола.

— Кроме того, мы вводим ежедневную анонимную оценку доверия внутри коллектива. Каждый вечер сотрудник будет указывать на листке фамилию человека, которому доверяет меньше всего. Сотрудника с наименьшим индексом доверия на ночь переведут на отдельное рабочее место. Это не наказание, а мера защиты для него самого, пока ситуация не прояснится.

Павел заметил, как Костя Берёзкин посмотрел на ближайшую стеклянную переговорную. Там помещались стол, шесть кресел и узкий диван.

— Простите, — сказал Олег Шаров. — Можно уточнить несколько пунктов? Первое: кто выдаёт бланки? Второе: кто присутствует при подсчёте? Третье: как определяется наименьший индекс, если голоса распределятся поровну?

Рогов повернулся к нему всем корпусом.

— Благодарю вас, Олег. Бланки подготовит HR. При подсчёте будут присутствовать два человека. Предлагаю вам возглавить счётную комиссию и зафиксировать порядок на бумаге. Если голоса распределятся поровну, решение перенесём на следующий день — если не возникнет дополнительных обстоятельств.

Олег кивнул и уже достал ручку.

— Мне понадобятся принтер и доступ к общему диску.

— Разумеется.

Лена Мещерякова стояла у стола продаж, крутя кольцо большим пальцем.

— Это незаконно, — сказала она. — Удерживать людей здесь нельзя. И отправлять письмо семьям за нас тоже нельзя.

Рогов выслушал её, не перебивая.

— Никто никого не удерживает, Елена. Выход свободный. Просто выход будет означать отказ от участия в процедуре сохранения рабочего места. Это ваше решение, и я его приму.

Он помолчал, давая ей время ответить. Лена отпустила кольцо, но тут же снова взялась за него. Павел ждал, что она спросит, как получить телефон и пройти через заблокированный турникет. Она смотрела на кофейное пятно на столе.

Рядом с Павлом кто-то переминался с ноги на ногу. Сорок человек стояли в нескольких шагах от лифта. Никто к нему не направился.

— Получается «Последний герой», только остров — на седьмом этаже, — сказал Артём Гусев.

Смех прокатился от кухонной зоны к окнам. Сначала тихий, потом увереннее. Один человек засмеялся с закрытым ртом, продолжая разглядывать пропуск на шнурке. Рогов улыбнулся Артёму так, словно шутка помогла делу.

Костя поднял руку.

— Можно я позвоню маме, прежде чем сдать телефон? У неё бывает давление. Она прочитает про выездной проект и начнёт волноваться.

Ринат повернулся к нему. Телефон всё ещё был у него в руке.

— Говорили же: внешняя связь — по служебной необходимости. Мама — это не служебная необходимость.

Снова засмеялись. Костя смущённо улыбнулся и сжал в кулаке шнурок бейджа вместе с пластиковой карточкой.

Павел шагнул к нему, но между ними уже встали люди. Он мог бы сказать Ринату, что на сообщение уйдёт полминуты. Костя тем временем опустил руку и перестал смотреть в его сторону.

— На время действия режима с нами работает Алина Верховцева, внешний психолог-консультант, — продолжил Рогов. — Алина будет доступна каждому, кому станет тяжело.

Алина стояла у стены возле пожарного плана, в стороне от собравшихся. Она кивнула. Павел посмотрел туда же, куда смотрела она: на Костю и на тех, кто ещё улыбался после шутки.

Ринат начал раздавать распоряжения насчёт телефонов. Тамара обогнула тележку, освобождая проход. Рогов говорил о сорока сотрудниках. Тамара была здесь сорок первой, но ни в одно из названных условий не вписывалась.

— Клининг остаётся, подрядчик в курсе, — бросил Ринат, не дожидаясь вопроса.

Тамара взяла салфетку и протёрла край стола, у которого стояла. Павел открыл рот. Он не знал, что собирался спросить: о её телефоне, о месте для сна или о том, кто сообщил подрядчику. Тамара сложила салфетку другой стороной, и Павел промолчал.

Очередь к Вере Николаевне вытянулась вдоль кухонной зоны. На стойке стоял картонный короб из-под бумаги для принтера. Рядом лежали стикеры, маркер и рулон прозрачного скотча.

Сотрудники один за другим отдавали телефоны. Мужчина из отдела закупок быстро набрал сообщение двумя большими пальцами. Когда подошла его очередь, на экране всё ещё значилось «отправляется». Он дождался галочки и только тогда положил аппарат в короб.

Диана выключила телефон заранее. Повернула экраном к себе, убедилась, что он погас, и отдала Вере Николаевне без паузы. Пока та писала фамилию, Диана спросила Рината, будет ли вечером доступ к отчётам продаж. Ринат ответил, что доступ будет через внутренний сервер. Диана кивнула и ушла к рабочему столу.

Павел отошёл на полшага от очереди и открыл календарь. На вчерашнем дне стояла запись: «Отгул. Поликлиника, 10:20». Он сам внёс её на прошлой неделе, когда записывался к врачу. После поликлиники был дома, гладил рубашку. Помнил, как у двери соскользнул ремень портфеля. Он лежал поверх ручки или под ней — вспомнить не удавалось.

Запись оставалась на месте. Павел закрыл календарь, не удаляя её, и встал за Костей.

— Тебе мама ответила? — тихо спросил он.

— Я коротко написал. Что всё нормально.

Костя улыбнулся, но шнурок бейджа так и не выпустил.

— Если понадобится, передам Ринату лично, — сказал Павел.

Костя кивнул, будто ему уже помогли.

Вера Николаевна сняла с маркера колпачок.

— Давай, деточка.

На стикере для его телефона она написала: «Паша (архив)». Павел прочёл надпись, пока сох маркер. На соседних стикерах значились фамилии: «Шаров», «Ткач», «Берёзкин». Он передал телефон.

— Спасибо, — сказала Вера Николаевна. — Следующий.

Когда телефоны сдали, она заклеила короб несколькими полосами скотча. Ринат расписался на верхней полосе так размашисто, что последняя буква зашла на боковую стенку. Артём сфотографировал короб служебным планшетом и сказал:

— Если что, у нас есть снимок места преступления.

На этот раз засмеялись не все. Вера Николаевна попросила не мешать ей нести короб. Она держала его обеими руками, как торт в открытой коробке.

После обеда Рогов начал вызывать людей по одному. Его кабинет находился за стеклянной стеной; жалюзи опустили наполовину. С того места, где Павел сидел со списком архивных дел для Олега, были видны вход и часть стола, но не лица собеседников.

Список требовался счётной комиссии: Олег попросил перечислить помещения, шкафы и запирающиеся ящики, пригодные для хранения бланков. Павел записал архивный шкаф, металлический ящик в бухгалтерии и тумбу в переговорной «Байкал». Архив он вписал последним. В той же строке пришлось указать, у кого ключ. Ключ лежал у Павла в кармане.

Дверь кабинета открывалась примерно каждые десять минут. Марина Ткач вышла с красными глазами. Она остановилась у своего стола и посмотрела на служебный телефон. Личный она сдала вместе со всеми, а этот, без сим-карты, Рогов оставил ей для работы: в нём был только внутренний мессенджер, работавший через офисный Wi-Fi. Через минуту Марина уже улыбалась сотруднице из закупок. Потом быстро что-то записала в блокнот.

Следом вышел Костя. Он шёл почти вприпрыжку и на ходу расправлял шнурок бейджа. У кулера спросил, где взять чистый лист для плана рассадки на ночь. Диана вернулась к своему столу деловитым шагом, достала косметичку и подкрасила губы, глядя на своё отражение в стеклянной перегородке.

Олег вышел из кабинета с распечаткой под заголовком «Положение о счётной комиссии». Расправив листы ладонью прямо на подоконнике, он спросил у Артёма, сколько картриджей осталось для принтера. Лена была перед Павлом. Она прошла мимо, ни на кого не глядя, и на кухне долго мыла руки. Вода шумела, пока Ринат не позвал Павла.

Никто не рассказывал, о чём шёл разговор. Марина спрашивала у Кости только про рассадку, Костя у Дианы — только про свободные диваны. Павел поставил в списке точку и подумал, что каждый выходит с поручением, которого, кажется, не получали остальные.

В кабинете Рогова не было ни стопки бумаг, ни недопитого кофе. На столе лежали только закрытая папка и ничего больше. На её корешке не было номера. Павел не мог разобрать цвет обложки: полоска света, падавшая из-под верхнего края жалюзи, делала её почти белой.

— Присаживайтесь, Павел. Чаю?

— Нет, благодарю.

Рогов сел напротив. Папку он не открыл и не отодвинул.

— Как вы держитесь?

Павел ожидал вопроса о пропавшем деле, о вчерашнем дне или о том, почему он задержался в архиве перед собранием.

— Работаю, — сказал он.

— Я вижу.

Рогов не торопился продолжать. За стеклом Ринат прошёл к лифту, прижав телефон к уху. Возле его локтя мелькнул жёлтый угол отклеившегося объявления.

— Одиннадцать лет, — сказал Рогов. — Вы работаете в компании одиннадцать лет. За это время я много раз слышал, что вы находите документ, когда все остальные уже решили, что его нет. Но ни разу не слышал, чтобы вы сами об этом говорили.

Павел положил ладони на колени.

— Это моя работа.

— Конечно. Вы замечаете то, чего не замечают другие. Я давно хотел вам это сказать.

Рогов произнёс эти слова без нажима. Павел потянулся поправить манжет, хотя тот лежал ровно. Потом переложил руки на подлокотники и тут же убрал обратно. По ту сторону стекла кто-то поставил на подоконник его кружку. Надпись «ПАША ИЗ АРХИВА. НЕ ВЫНОСИТЬ» была обращена внутрь кабинета.

— После слияния нам понадобится служба документооборота, — сказал Рогов. — Возглавить её должен человек, который знает, где что лежит. Подумайте об этом. А пока архив закрепляется за вами на весь период режима. Вы единственный, кому я доверяю документы.

Павел снова посмотрел на папку. Взять её со стола и проверить корешок было бы странно. Спросить о ней он тоже пока не мог: Рогов ждал ответа.

— Я сделаю всё, что нужно.

— Не сомневаюсь.

Рогов коснулся края папки и выровнял его по краю стола.

— Мне сказали, вы вчера заходили в офис. В отгул. Это вас характеризует.

— Я вчера не заходил.

Павел услышал, как быстро ответил. В календаре телефона была запись, но телефон лежал в опечатанном коробе. Оставались талон из поликлиники и утюг, который он вечером выключил из розетки. Талон, возможно, сохранился в портфеле.

— Значит, мне неверно передали. Неважно, — сказал Рогов.

Он не спросил, кто мог ошибиться. Не попросил Павла вспомнить точнее. Снаружи Артём склонился над принтером: тот захватил сразу два листа.

— У меня есть вопрос по договору, — сказал Павел. — Номер 417/Д. «ТрансЛайн-Ресурс». На нём стоит дата восемнадцатого октября, суббота, а скан в системе создан двадцатого, в восемь четырнадцать.

— Слушаю вас.

— Папка стояла не по порядку. Я вернул её на место. Сегодня, около половины двенадцатого, её там уже не было. И журнал регистрации переложили.

Рогов кивнул. Павел ждал вопроса о том, кто входил в архив, но Рогов продолжал смотреть на него с тем же вниманием.

— Запишите всё, что сочтёте важным. Подробно. Мне нужны люди, которые записывают.

Павел коснулся внутреннего кармана. Сквозь ткань чувствовался угол блокнота.

— Я записал номер и дату ещё утром.

— Тем лучше. Благодарю вас, Павел.

Рогов поднялся. Павел тоже встал. Рогов первым подошёл к двери и придержал её, оставив между собой и стеклом проход едва шире плеч. Павлу пришлось повернуться боком. Край пиджака задел дверную ручку; Рогов отпустил её только после того, как Павел вышел.

К пяти часам в переговорных начали переставлять мебель. В «Байкале» стол развернули к стене, чтобы освободить место для дивана. В малой переговорной кто-то уже оставил свёрнутое одеяло на кресле. Вера Николаевна принесла из кухни контейнеры с едой и предупредила, что ужин выдаст после ознакомления с документом.

— Сначала подписи, деточки, потом горячее. Оно и так не остынет сразу.

Марина раздала листы с заголовком «Регламент временного режима повышенной конфиденциальности». Копия, доставшаяся Павлу, ещё хранила тепло принтера. На соседнем столе лежал лист ознакомления. Олег следил, чтобы подписи ставили строго по списку.

Павел прочёл начало, затем страницы с правилами связи и размещения. На третьей странице нашёл знакомые формулировки:

3.1. Оценка доверия осуществляется сотрудниками ежедневно путём заполнения индивидуального бланка установленного образца.

3.2. Сотрудник, получивший наименьший индекс доверия, переводится на отдельное рабочее место до начала следующего рабочего дня.

3.3. Перевод не является мерой дисциплинарного воздействия и производится в интересах указанного сотрудника.

3.4. Подсчёт бланков осуществляет счётная комиссия. Состав комиссии утверждается на период действия режима.

4.1. Выход с этажа в период действия режима рассматривается как добровольный отказ от участия в процедуре сохранения рабочего места.

4.2. Заявление об отказе передаётся коммерческому директору для организации выхода в сопровождении охраны бизнес-центра.

5.1. Внешние обращения сотрудников передаются директору по операциям при наличии служебной необходимости.

5.2. Ответственность за сохранность вверенных документов определяется приложениями к настоящему Регламенту.

5.3. Сотрудник подтверждает, что ознакомлен с условиями добровольно и претензий не имеет.

Напротив пункта 3.4 Олег поставил карандашом аккуратную галочку. Перед ним лежала новая распечатка с фамилиями членов комиссии. Павел не стал читать её через плечо.

Кто-то спросил, можно ли расписаться у другого стола, чтобы не стоять в очереди. Марина ответила, что лист один. Люди подходили, переворачивали последнюю страницу и находили свою строку. От крышек ручек на столешнице оставались мелкие синие черточки. Из кухни пахло гречкой и разогретой курицей.

Павел дочитал до приложений. В первом перечислялись помещения для ночного размещения: большая переговорная, две малые и бывшая учебная комната. Места распределяла Марина; отдельное рабочее место в список не входило. На полях кто-то карандашом проставил количество диванов.

Приложение 2 начиналось с одной строки:

Ответственный за сохранность документов архива на период режима — Земсков П. А.

Ниже шла опись документов, принятых на ответственное хранение по состоянию на 09:00 сегодняшнего дня. Павел провёл пальцем по строкам. 415/Д. 416/Д. 417/Д, «ТрансЛайн-Ресурс». 418/Д.

В девять папка была на полке. Утром Павел сам поставил её между соседними номерами, сверил корешки и записал расхождение дат. В половине двенадцатого между ними оставался просвет.

— Паша, ты последний. Все уже, — сказала Марина.

Она стояла рядом с ручкой. В листе ознакомления над его строкой были заполнены тридцать девять строк. Павел положил регламент на стол, взял ручку и расписался в сороковой.

— Вот и единогласно, — сказала Марина и забрала лист.

Глава 3. Опись

Сутки 1, 21:00

В «Байкале» сдвигали столы вдоль стены. На полу уже лежали два пальто: одно — подкладкой вверх, другое — воротником к двери. Кто-то принёс из кухни бумажные полотенца и подкладывал их под ножки дивана: тот качался, если на него садились двое.

Свет над рабочими местами приглушили. Мониторы оставались тёмными, зато кулер гудел на весь этаж. Павел остановился у своего стола и увидел в стекле переговорной сорок отражений одного и того же движения: люди устраивали себе место, стараясь занять его раньше соседей.

Ринат проходил между рядами с телефоном в руке. Экран загорался, когда он подносил аппарат к лицу. Никому он его не показывал.

Олег Шаров приклеил к стеклу «Байкала» лист. Долго выравнивал его по верхнему краю, с бухгалтерской обстоятельностью. На листе было напечатано: «Первое голосование — среда, 20:00». Ниже: «Формы бюллетеней находятся на утверждении счётной комиссии».

— Первое: сегодня голосования не будет, — сказал Олег тем, кто подошёл прочесть объявление. — Второе: завтра каждый получит бланк отдельно. Третье: до утверждения формы вопросы по порядку заполнения преждевременны.

На последнее предложение никто не ответил. Оно и без того заняло всё место, оставшееся в коридоре.

Марина Ткач сидела у входа в бывшую учебную комнату, положив на колени блокнот. На обложку она наклеила полоску малярного скотча и написала: «Размещение». Рядом лежал служебный телефон без SIM-карты: внутренний мессенджер ещё работал через офисный Wi-Fi. Марина переносила фамилии с экрана на страницу и ставила напротив галочки.

— Земсков, у двери, — сказала она. — Там розетка, если понадобится. Вещи поставьте под стул, проход не занимайте.

От двери тянуло. Павел проверил ладонью щель у порога, потом убрал руку. В комнате остались сложенные друг на друга учебные стулья и стойка для флипчарта. На стойке висел чистый лист бумаги. Кто-то положил на пол свёрнутое одеяло; его край заходил на место Павла.

Он подвинул одеяло ботинком ровно настолько, чтобы освободить плитку.

— Павел Андреевич.

Костя Берёзкин стоял за спиной и мял шнурок бейджа. Пластиковая карточка поворачивалась то фотографией наружу, то белой стороной.

— Ринат правда может передавать сообщения? — тихо спросил он. — Маме. У неё давление. Я днём не успел сказать ей, что остаюсь здесь.

Павел посмотрел через плечо Кости. Ринат разговаривал с кем-то у принтера, не отрывая пальцев от телефона.

— Я спрошу его, — сказал Павел.

Костя сразу кивнул, словно сообщение уже передали.

— Спасибо.

Павлу захотелось уточнить, что он пока ничего не сделал. Вместо этого он записал в блокнот: «Берёзкин. Спросить о сообщении матери». Поставил точку. Вопросительные знаки в его записях всё равно ничего не меняли.

Возле кухни Вера Николаевна распределяла оставшиеся после ужина контейнеры. Крышки лежали отдельно; на каждой чёрным маркером была написана фамилия. Павел подошёл за своим. Гречку с курицей он не взял сразу — попросил отложить, когда после подписания Регламента в проходе стало тесно. Вера Николаевна тогда кивнула и написала «Земсков» на прозрачном пластике.

Теперь крышки с его фамилией не было.

— Деточка, ты ведь сам сказал, что не голодный. Я отдала, — сказала она. — Не пропадать же курице.

Она придвинула к нему пачку салфеток, чтобы он мог взять одну. Павел вспомнил свой голос у стола выдачи: «Я заберу позже, если можно». Вспомнил, как крышка прогнулась под маркером. Он хотел повторить эти слова, но Вера Николаевна уже звала Лену Мещерякову за вторым одеялом.

Лена остановилась рядом и большим пальцем провернула обручальное кольцо. На Павла она не смотрела. Вера Николаевна сказала ей, что одеяла хватит на двоих, если положить его поперёк.

— Наверное, — ответил Павел.

Он не знал, на что именно ответил. Взял салфетку, чтобы не стоять с пустыми руками, и пошёл к архиву.

У двери он остановился. Утром замок открылся без ключа; перед собранием Павел запер дверь и дважды проверил. Теперь ключ вошёл до упора и повернулся с привычным тугим щелчком. Павел снял с крючка возле выключателя маленькую табличку «Архив закрыт» и положил её на стол надписью вниз.

Вентилятор под потолком дребезжал на одной ноте. Его просили починить трижды за последние четыре года. В четвёртый раз Павел записал заявку, но не отправил: звук уже помогал замечать, когда в комнате отключали электричество.

Он поставил портфель у ножки стола. Ремень оказался под ручкой. Утром, когда исчезла папка, ему казалось важным, лежал ремень поверх ручки или под ней. Сейчас он не смог бы сказать, как оставил его даже час назад.

На полке между 416/Д и 418/Д оставалось пустое место. Павел провёл пальцем по краю 416/Д. Пыль прерывалась там, где обычно стояла следующая папка.

Папку 417/Д он уже искал днём. Теперь проверил короб с временным хранением, нижнюю полку, стол и даже пространство между шкафом и стеной. В журнале регистрации напротив номера стояло: «ТрансЛайн-Ресурс», 18 октября. Дату он вписал сам. Павел узнавал собственный почерк по последней цифре восьмёрки: нижнюю петлю он всегда замыкал чуть левее верхней.

Скан договора в системе был создан 20 октября в 08:14. Утром Павел счёл, что документ просто отсканировали позже. После слов Артёма «Ты сам просил переставить. Вчера» это объяснение перестало казаться достаточным. Вчера он был в поликлинике к 10:20, потом дома гладил рубашку. Но ни календарь в сданном телефоне, ни рубашка, которую он надел сегодня, не могли вернуть папку на место.

«Запишите всё, что сочтёте важным. Подробно».

Павел открыл блокнот на чистой странице. Сверху написал «417/Д» и провёл черту. Потом закрыл блокнот: искать одну папку ещё раз было бессмысленно.

У дальнего шкафа хранились копии бухгалтерских документов. Архив назывался общим, но в повседневной речи его называли «Пашиным»: копии актов и платёжных поручений приносили сюда, когда на столах у главбуха заканчивалось место. Павел принимал их по реестрам и расставлял по контрагентам. Оригиналы оставались в бухгалтерии.

Он выдвинул короб с буквой «Т». Подшивка «ТрансЛайн-Ресурс» была тонкой. Павел разложил на столе акты, приложенные к ним поручения и лист с банковскими реквизитами. В актах значились складское хранение и экспедирование. Названия услуг менялись местами, но строка с адресом оставалась прежней.

Офис в промзоне. Один и тот же номер здания, один и тот же офис.

Этот адрес Павел уже видел сегодня, только в другом коробе. Он вернул лист на место, нашёл подшивку «СеверСнаб-Логистик» и сверил букву за буквой. Потом открыл «Альфа-

Терминал Групп». Адрес совпал у всех трёх. Банк тоже был один, хотя расчётные счета различались.

Павел выписал названия столбиком. Перепроверил адрес по каждой карточке, приложенной к договорам, и поставил рядом три короткие черты. Для складского помещения адрес выглядел странно: офис в здании промзоны, указанный сразу у нескольких компаний. Но странность нельзя было подшить к делу. Можно было подшить совпадение.

Он принёс журнал регистрации к столу и начал искать договоры по этим названиям. Через несколько минут пришлось открыть следующую страницу, потом предыдущий год. За два года набралось четырнадцать договоров. Павел записывал номер, дату, сумму, отмечал наличие акта и платежа. Утреннюю строку 417/Д оставил среди остальных, не выделяя.

Пять миллионов рублей. Всё, что превышало эту сумму, требовало одобрения совета. Порог Павел помнил по инструкции, которую когда-то перепечатывал после изменения лимитов. В списке напротив каждого номера стояла сумма поменьше: 4 870 000; 4 950 000; 4 990 000. Дальше суммы укладывались в тот же узкий коридор.

Даты он сначала не отмечал отдельно. Когда на странице оказалось четырнадцать строк, Павел достал из ящика календарь прошлых лет — тот, где на обратной стороне печатали нормы рабочего времени. Несколько дат выпали на субботы и воскресенья. Напротив них он мелко написал дни недели. По системе сканы появлялись через два или три дня после даты, указанной в договоре. Для 417/Д задержка тоже составляла два дня: суббота, 18 октября, и понедельник, 20-е, 08:14.

Он не стал складывать листы стопкой, пока не проверил складские журналы. Нужные тома хранились внизу, у самого пола. Павел присел, придерживая коленом дверцу шкафа, и нашёл записи за нужные периоды. В одном акте значилось хранение партии товара, в другом — экспедирование. Он просмотрел соответствующие даты, номера позиций, соседние строки. Движения этих товаров в складских журналах не было.

В некоторых графах стояли записи о других грузах, сделанные теми же ручками, в те же дни. Пустые строки между ними не выглядели пропущенными. Павел пролистал журналы ещё раз, начиная за неделю до указанных в актах сроков и заканчивая неделей после. Записей по нужным позициям не появилось.

Он вернулся к столу. Подписные листы лежали в разных подшивках; сравнивать их по одному было неудобно. Павел разложил листы веером, не вынимая из файлов. Под каждым договором стояла подпись Станислава Рогова. Там, где печать легла неровно, фамилию можно было прочитать целиком; там, где печать закрывала нижний росчерк, совпадали инициалы и должность.

Павел собрал файлы в прежнем порядке. Старый настольный калькулятор включился со второго нажатия. Кнопка «7» западала, если нажимать с края. Он ввёл четырнадцать сумм, сверяясь со столбиком в блокноте, и получил 67 340 000.

Потом сбросил результат и ввёл всё заново.

67 340 000.

Он записал число под чертой. Без слова «итого», без обводки. Проверил, что перенёс в блокнот номера, даты и суммы всех четырнадцати договоров, а не только тех, чьи подшивки лежали перед ним.

Фотографировать было нечем: телефон оставался в опечатанном коробе. Ксерокс стоял в переговорной напротив кухни, где люди проходили мимо за водой и одеялами. Павел мог вынести туда бумаги по одной. Мог попросить Артёма дать доступ к сканам. Он оставил копии актов и поручений в файлах, журналы вернул на нижнюю полку. На столе остались только блокнот и калькулятор.

На первой странице блокнота, среди записей за утро, было: «417/Д. В папке и журнале — 18 октября. Скан — 20 октября, 08:14». Павел посмотрел на строку и не стал поправлять ни одного знака.

Когда он был у Рогова, на столе коммерческого директора лежала закрытая папка без номера на корешке. Она могла быть какой угодно. Теперь Павел понимал, почему исчезновение одной папки пришлось именно на день, когда сорок человек подписали опись архива по состоянию на девять утра. В описи 417/Д значилась на месте. Последней, сороковой подписью под ответственностью за сохранность стояла его собственная.

Он убрал блокнот от края стола. Под ним остался круглый след от кружки. Кружка с надписью «ПАША ИЗ АРХИВА. НЕ ВЫНОСИТЬ» стояла на верхней полке; чай Павел принёс в термосе и до сих пор не открыл его. На дне кружки мелким шрифтом было напечатано, куда её следовало вернуть, если найдётся. Павел перевернул её в руках, прочёл привычные слова и поставил обратно.

В дверь дважды постучали костяшками пальцев. Павел не услышал, как к ней подошли: вентилятор заглушал шаги.

Тамара стояла в коридоре со своей тележкой. Серый халат был застёгнут у горла не на ту пуговицу; один край воротника торчал выше другого. На тележке лежали чистые тряпки, рулон пакетов и небольшой тканевый пакет.

— Вы ещё здесь, — сказала она.

— Здесь.

Она не стала спрашивать, чем он занят.

— Ринат сказал мне в подсобке лечь. Там стулья.

Павел подвинул один из своих стульев ногой.

— Присядьте.

— Я ненадолго.

Она достала из пакета хлеб с сыром, завёрнутый в бумагу. Разломила пополам и положила одну половину перед Павлом на салфетку. Он узнал салфетку из той пачки, которую придвинула к нему Вера Николаевна.

— У меня был ужин, — сказал он.

— Теперь есть хлеб.

Тамара налила ему воды из принесённого стакана. Павел заметил стакан, только когда она поставила его рядом с салфеткой. Перед этим она протёрла донышко краем чистой тряпки. Потом достала из кармана второй стакан — пластиковый, для себя.

— Печенье не считается, — сказала она, заметив открытую пачку на дальнем стеллаже.

Павел хотел объяснить, что печенье лежит здесь с прошлой недели и он его не ел. Вместо этого взял хлеб. Сыр был нарезан толсто и съехал к одному краю. Тамара ела свою половину стоя, придерживая крошки ладонью.

Павел осторожно спросил:

— Вы вчера работали?

— С утра.

Он посмотрел на дверь. Тамара тоже перевела взгляд туда и подождала.

— Мне сегодня несколько человек сказали, что я вчера сюда приходил.

— В понедельник? — спросила она.

— Да.

— Я ручку архива протирала. Дверь была заперта, свет не горел. Вас не было, Павел. Я бы видела.

Она сказала это так же, как сказала бы, что в подсобке стоят стулья. Павел положил хлеб на салфетку и медленно выдохнул. Дверь вчера утром была заперта. Тамара её трогала. Тамара помнила, был ли он здесь.

— У вас ведь ключи, — сказал он, когда снова смог говорить ровно.

Тамара коснулась связки на поясе. Ключи тихо звякнули.

— Подсобка, санузлы, шкаф с химией. Архив — ваш. Мне туда не положено.

Он кивнул. На столе, в закрытом блокноте, было четырнадцать строк. Можно было открыть его и показать ей первую страницу, потом остальные. Но она уже увидела, что перед ним нет еды, и принесла хлеб. Павел посмотрел на её руки: Тамара сложила бумагу от хлеба пополам, чтобы не сыпались крошки.

— Если меня спросят, где документы, я буду знать, — сказал он.

Тамара убрала бумагу в свой пакет и кивнула. Впервые за день кто-то смотрел на него, а не на кружку.

Около полуночи Павел проводил её до подсобки. Сначала убрал блокнот в портфель, закрыл архив, повернул ключ и дёрнул ручку. Дверь не поддалась. Он дёрнул ещё раз — не сильнее, просто чтобы услышать, как держит язычок замка.

Тамара медленно катила тележку: одно колесо уводило влево. Они прошли через тёмную переговорную. Из «Байкала» доносился храп — короткий и обиженный, будто человека будили на каждом вдохе. В бывшей учебной комнате у двери уже лежала чья-то сумка; место Павла за ней оставалось свободным.

За жалюзи в кабинете Рогова горела настольная лампа. Марина говорила, что Рогов будет спать в малой переговорной. Павел увидел узкую полоску света на ковре и прошёл дальше. По коридору шёл Ринат с телефоном; возле подсобки он свернул к лифту, не взглянув на них.

Тамара отперла подсобку своим ключом. Внутри действительно стояли стулья: три пластиковых, составленных друг на друга, и один с мягким сиденьем. Она сняла с верхнего стула картонную коробку.

— До утра хватит, — сказала она.

Павел хотел предложить ей своё место в учебной комнате. Марина записала его фамилию у двери; фамилии Тамары в списке сорока не было. Он придержал дверь, пока Тамара вкатывала тележку, и спросил, нужна ли ей вода. Она показала на полную бутылку в боковом кармане тележки.

На обратном пути Павел остановился у кулера и долил в термос кипятка поверх оставшегося чая. Вода текла медленно. Он держал крышку на весу, чтобы не класть её на мокрый поддон. Потом прошёл мимо стеклянной переговорной, где спящие люди всё ещё отгораживали свои места пиджаками и сумками.

У архива он посмотрел на часы. С тех пор как он ушёл, прошло двенадцать минут.

Дверь была заперта. Ключ вошёл ровно и повернулся как обычно. Павел включил свет и первым делом посмотрел на стол: калькулятор на месте, табличка лежит надписью вниз, стакан Тамары стоит рядом с салфеткой. Портфель — у ножки стола.

Потом он посмотрел на полку.

Между 416/Д и 418/Д стояла папка 417/Д. Корешок был вровень с соседними. Павел вынул её двумя руками, хотя обычно доставал папки одной. Внутри лежали те же страницы, что он видел утром: договор, приложения, подписи. Он перелистал их от первой до последней, вернулся к титульному листу и прочёл дату.

20 октября.

Та же дата стояла в приложении, возле подписи и в строке о вступлении договора в силу. Павел ещё раз проверил номер. 417/Д. «ТрансЛайн-Ресурс».

Он положил папку на стол и раскрыл журнал регистрации. Напротив 417/Д по-прежнему значилось «18 октября». Восьмёрка с нижней петлёй, сдвинутой влево. Его почерк.

Если сверять только папку с журналом, ошибку допустил он. Павел вынул блокнот из портфеля. Утренняя запись оставалась на месте: «В папке и журнале — 18 октября». Чернила не побледнели и не расплылись. Он положил блокнот рядом с журналом, не касаясь папки.

За двенадцать минут кто-то побывал в комнате, дверь которой Павел запер и проверил. Ключ от архива был у него в кармане.

Вентилятор под потолком молчал.

Глава 4. Понарошку

Сутки 2, 06:40

Павел проснулся от сквозняка. Холодный воздух тянул из-под двери учебной комнаты, и Павел почувствовал, как он холодит шею над воротом рубашки. Пиджак, который он накинул ночью, сполз на пол, а край чужого одеяла снова лежал поверх его ботинка.

Блокнот, который Павел всегда носил с собой, оказался во внутреннем кармане пиджака. Он проверил это ещё до того, как открыл глаза.

Под окнами комнаты всё ещё горели фонари. У стены кто-то спал, прижав к груди сумку. На белой поверхности стойки для флипчарта маркером была сделана надпись: «ДЕНЬ 1 из?». Под вопросительным знаком кто-то пририсовал рожицу.

Павел решил пойти в архив до того, как переговорная начнёт наполняться звуками утренней жизни. Ключ вошёл в замок с привычным скрежетом, и Павел включил свет. Вентилятор под потолком монотонно гудел.

Папка с номером 417/Д стояла между папками 416/Д и 418/Д. Павел сам вернул её на место ночью, когда закончилось время, отведённое на размышления. Журнал лежал рядом с блокнотом, раскрытый на нужной странице.

Павел поставил стул под вентилятор и встал на него, держась за стеллаж. На решётке осела серая пыль, ровная и пушистая, как войлок. У левого нижнего винта пыли не было — там, где её, вероятно, стёрли пальцем. Шлиц винта блестел.

Павел спустился со стула, достал блокнот и сделал запись: «Вентилятор. 6:52. Работает. Ночью в 0:12 не работал. Левый нижний винт — пыль снята». Он задумался и добавил: «Наверное, я сам её стёр. Прижимал пальцем, чтобы замолчал». Павел никогда не трогал решётку у винта, но эту строку не стал зачёркивать.

В половину восьмого у кулера стоял Артём Гусев с кружкой, на которой было написано «НЕ ТРОГАЙ, УБЬЁТ». Он зевал так, что щёлкнула челюсть.

— Артём, ночью вентиляцию не трогал? — спросил Павел.

— Я щиток трогал. Серверная перегрелась, пришлось переключать автоматы. У вас вентиляция с ней на одной линии, минут на десять отключилась, — ответил Артём, отпив кофе. — А что, у вас там кто-то ночью ходил?

Он произнёс это без насмешки, но так громко, что мужчина из отдела закупок, сидевший у окна, поднял голову.

— Нет, просто спросил, — ответил Павел.

— Ты бы поспал, Паш. Ты какой-то бледный, — сказал Артём.

Павел вернулся к столу, добавил в блокнот: «Артём: щиток, серверная, -10 мин». Ему показалось, что это объяснение подходит ко всему сразу. От этого ему стало только хуже.

Костя ждал у кухни. Перед ним стоял одноразовый стакан, который он, похоже, долго держал в руках: картон на ободке размок от влаги.

— Павел, доброе утро. Вы… вы спросили? — спросил Костя.

Павел вспомнил, что вчера записал: «Берёзкин. Спросить о сообщении матери». Тогда он поставил точку, но спросить не успел.

— Сейчас спрошу, — сказал Павел.

Ринат сидел на столе Дианы, поставив ногу на перекладину её кресла. Диана продолжала печатать, не отрываясь. Телефон Ринат держал экраном к себе и листал большим пальцем.

— Ринат, у Берёзкина мать с давлением. Он просит передать ей, что он на работе и всё в порядке.

Ринат не сразу поднял глаза.

— Теперь ты курьер Берёзкина? Хорошая работа. Мы тебе бейджик сделаем, — сказал он с ухмылкой.

Диана хмыкнула, не прекращая печатать.

— Одно сообщение, — повторил Павел.

— Служебная необходимость, — по слогам произнёс Ринат. — Мама Берёзкина в регламенте не прописана. Если я начну всем писать мамам, у меня пальцы отвалятся.

Он вернулся к телефону, но потом вдруг поднял голову и улыбнулся.

— Знаешь что? Скажи ему, что передал. Пусть отдыхает. Человеку нужен покой. Это даже гуманно.

Павел секунду помедлил. Ринат больше не смотрел на него. Диана сохранила документ и спросила:

— Когда будут цифры по Уралу?

Костя стоял у кухни так же, как Павел его оставил, только стакана в руках не было.

— Ну что? — спросил он.

Павел посмотрел на шнурок бейджа, который был надет на два пальца, так что подушечки побелели.

— Ринат передаст, — ответил он.

Он почти повторил то, что ему велели. Разница была в одном слове, но Павел заметил её, когда фраза уже сорвалась с губ.

Костя выдохнул, и шнурок соскользнул с пальцев.

— Спасибо. Правда. Я ночью не спал, думал… Спасибо, Павел.

Он пожал Павлу руку. Ладонь была влажной. Потом почти бегом направился к своему столу, оглянулся на ходу и кивнул ещё раз.

Павел вымыл руки над раковиной. Вода была холодная, горячую ещё не дали. Он мыл руки дольше, чем нужно.

К десяти утра Олег Шаров раскладывал на подоконнике макеты бюллетеней. Четыре варианта, на каждом в углу карандашом была сделана пометка: «А», «Б», «В» и «Г». Все четыре выглядели абсолютно одинаково.

— Олег, по 417/Д. Вы просили отдельной строкой, какие поля расходятся.

— Слушаю.

— В журнале регистрации дата восемнадцатое октября. В папке двадцатое. Во всех местах: титульный лист, приложение, подписи.

Олег отложил вариант «В».

— Вчера вы говорили, что в журнале и в папке восемнадцатое, а двадцатое только в системе.

— Вчера было так.

Олег посмотрел на Павла поверх очков, что делал редко, считая такой взгляд неточным.

— Оригинал договора важнее журнала. Журнал ведёте вы. Если в журнале одна дата, а в оригинале другая — ошибка в журнале, — он помолчал. — Понимаю, это неприятно. Напишите служебную записку об исправлении. Я приложу её к материалам для аудиторов, чтобы не выглядело сокрытием.

Павел кивнул. Он написал записку за своим столом: «417/Д. Журнал — 18.10. Оригинал — 20.10». Перечитав, увидел, что она указывает: ответственный за архив сам сообщает о расхождении за пять дней до аудита.

Павел сложил лист вдвое и убрал в блокнот между страницами с договорами. Сказал Олегу, что допишет к вечеру. Олег ответил, что срок разумный, и вернулся к варианту «Г».

После обеда Алина Верховцева зашла в архив. Стучать не стала, дверь была приоткрыта.

— Павел, у вас десять минут? Не здесь, а в малой переговорной, там тише, — она села на диван с подушкой из кабинета Рогова и блокнотом на коленях.

— Нормально.

— На полу у двери?

— Сквозняк, просыпался, — ответил Павел.

— Спасибо, — Алина что-то записала. — Вчера у кофемашины вы сказали «да, наверное, перепутал». История с замком. Часто так говорите?

— Когда проще.

— Проще кому?

— Всем, — ответил Павел. — Из-за коридора ссориться глупо.

— Глупо, — согласилась Алина. — Но если речь пойдёт не о коридоре? Человек, который часто уступает в мелочах, забывает, где проходит граница. Это не упрёк, а работа.

Павел посмотрел на свои руки и записку в кармане.

— У человека есть запись, а все вокруг...

В дверь постучали, заглянул Ринат.

— Алина, Станислав Игоревич зовёт вас на минуту. А Олега ищет Павел, у него бюллетени не сходятся по количеству.

Алина закрыла блокнот.

— Мы договорим позже. Вы хотели что-то про запись?

— Ничего важного, — Павел остался на диване, глядя на сломанную пуговицу на подушке.

К восьми вечера кресла из «Байкала» вынесли в переговорную. Там сидело сорок человек, свет приглушили.

Урна была из картонного короба из-под бумаги. Олег прорезал в крышке щель и написал на стенке «УРНА №1». Рядом сидела Диана, закинув ногу на ногу.

Бюллетень вышел по варианту «Г». Олег объяснил правила: одна фамилия, разборчиво, не свою, пустой бюллетень недействителен.

— Предлагаю символически написать Павла, — сказал Артём. — Он и так в архиве живёт, ему одна ночь в отдельной комнате не изменит режим.

Кто-то засмеялся, кто-то фыркнул.

— Демократия, — сказал Ринат. — Пишите кого хотите, я ничего не предлагаю.

— Пишите, — сказал он.

Все засмеялись с облегчением, и Артём поднял большой палец.

Алина стояла у пожарного плана, скрестив руки на груди. Павел ждал её слов, но она лишь смотрела на Артёма и Рогова, потом опустила взгляд на блокнот и что-то записала.

Олег раздал бюллетени. Ручек не хватало, и кто-то писал карандашом для бровей. Павел положил бюллетень на обложку блокнота.

«Я доверяю меньше всего:» — прочитал он.

Костя закрыл бюллетень ладонью и долго не писал, Лена написала сразу и сложила лист вчетверо. Вера Николаевна писала, высунув язык. Павел держал ручку над чистым полем.

Слова Рината «Скажи ему, что передал» и его лёгкое «Ринат передаст» звучали естественно. Фраза Олега «Журнал регистрации ведёте вы» напомнила Павлу о его обязанностях. Артём с поднятым большим пальцем словно подбадривал.

Павел написал: «Гусев». Буквы вышли ровными, без нажима, красивее, чем обычно. Он сложил бюллетень дважды и подержал в пальцах, ощущая лёгкое тепло.

К урне подходили поодиночке. Олег следил за тем, чтобы опускали по одному листу. Диана записывала фамилии в ведомость. Когда подошла очередь Павла, она поставила галочку напротив «Земсков» и сказала, не поднимая головы:

— Не переживай, Паш. Это же весело.

Олег зачитывал фамилии вслух, Диана ставила черточки в ведомости.

— Земсков, Земсков, Мещерякова, Земсков, Земсков, Ярыгин.

Ринат коротко хлопнул в ладоши.

— Земсков, Гусев.

— Эй! — весело сказал Артём. — Кто-то не понял шутки.

Павел смотрел на урну, чувствуя, как смех затихает.

— Земсков, Земсков, Земсков, Берёзкин.

Костя вздрогнул, как от щелчка. На двадцатом «Земсков» смеяться перестали. На тридцатом кто-то в заднем ряду закашлялся.

Последний бюллетень Олег развернул дольше остальных. Лист был сложен в маленький квадратик.

— Пустой, — сказал он. — Недействителен.

Лена уставилась на своё кольцо. Олег сверил ведомость с отметками Дианы, потом пересчитал бюллетени.

— Итоги. Всего сорок бюллетеней. Действительных — тридцать девять. Земсков — двадцать девять. Гусев — три. Мещерякова — три. Ярыгин — два. Берёзкин и Шаров — по одному. Я за себя не голосовал. Это для протокола, — добавил он.

— Ну вот и потренировались, — сказал Артём. Его голос дрогнул.

Рогов поставил чашку на блюдце, и все повернулись к нему.

— Благодарю комиссию, — произнёс он. — Павел, вы должны понять: это не наказание. Регламент есть регламент, и коллектив выразил своё мнение, которое вы все одобрили. Вам будет предоставлено отдельное рабочее место — переговорная «Нева». Там есть диван.

Павел поднялся. Его колени дрожали, хотя он сидел всего полчаса.

— Ключ от архива, — мягко сказал Рогов, — оставьте, пожалуйста, на ночь мне. Вы будете работать отдельно. Ответственность за сохранность документов с вас никто не снимает. Я лишь подстрахую. Вы же понимаете.

Ключ лежал в правом кармане, и Павел чувствовал его весь день. Приложение 2 гласило: «Ответственный за сохранность документов архива — Земсков П. А.». Отдать ключ означало взять на себя ответственность за всё, что могло случиться ночью. Не отдать — означало не доверять человеку, который только что назвал его тем, кому доверяет больше всех.

Полукруг ждал. Олег держал ведомость.

Павел достал ключ. Металл оказался тёплым. Рогов взял ключ двумя пальцами за кольцо.

— Благодарю вас, — сказал он.

«Нева» находилась у лифтового холла, наполовину стеклянная. Четвёртую стену занимал выключенный экран для презентаций. Павел видел в нём своё отражение: мятая рубашка, портфель.

Внутри были стол, четыре кресла и двухместный диван. Он был коротким, как детский.

— Свет централизованный, — сказал Артём от двери. — Панель на ресепшене. Я не могу её перенастроить, она связана с бронированием. Ты будешь как в аквариуме.

— Ничего, — ответил Павел.

— Мы и правда шутили.

— Я знаю, — сказал он.

Артём постоял, словно хотел что-то добавить, потом ушёл.

Ринат закрыл дверь снаружи. Замок был карточным, но у Рината был мастер-ключ. Он приложил его к считывателю, и лампочка сменилась с зелёной на красную.

— Для вашей же безопасности, — произнёс он через стекло. Голос звучал глухо, как из соседней квартиры. — Никто не сможет войти.

Он постучал телефоном по стеклу дважды и ушёл.

Через десять минут пришла Вера Николаевна с тарелкой. Дверь ей не открыли: ключ был у Рината. Она постояла, держа тарелку с двумя печеньями, потом поставила её у двери.

— Утром заберёшь, деточка, — сказала она сквозь стекло. — Не пропадёт.

Около десяти Артём подошёл к окну с листом А4 и скотчем. Он приклеил его снаружи, надписью внутрь. Потом передумал и переклеил надписью наружу. Он отошёл полюбоваться.

Павел обошёл стол и прочитал надпись через стекло:

«НЕ КОРМИТЬ. ПРИ ОБНАРУЖЕНИИ ВЕРНУТЬ В АРХИВ».

Из переговорной раздался смех. Кто-то сфотографировал листок.

Над головой гудели четыре потолочные панели. Они светили ровно и бело, словно в процедурном кабинете. Павел закрыл глаза, но сквозь веки они всё равно казались красными. Через стекло переговорной стало темнеть. Свет там выключался, с каждым щелчком отступая всё дальше, и вскоре «Нева» осталась единственным освещённым участком на этаже. Её было видно из любой точки. Павлу же снаружи было заметно только то, что находилось вплотную к окну.

В половине первого в стеклянной стене напротив, у кухни, появилась полоска света от открытой двери холодильника. В проёме появилась Диана. Она стояла спиной к холодильнику в коротком светлом платье, босиком на кафеле. Перед ней стоял Ринат.

Холодильник закрылся, и полоска света исчезла. Теперь Павел видел только то, что освещала его собственная «клетка». Ринат положил ладонь Диане на талию, но не обнял, а просто коснулся, как гладят собаку. Диана не отстранилась. Она упёрлась руками ему в грудь и оттолкнула, но не от себя, а чтобы почувствовать сопротивление, и подалась следом. Ринат что-то сказал ей, и она укусила его за подбородок и пыталась ласкать свой клитор безымянным пальцем, под юбкой без белья, но постоянно срываясь вглубь влагалища, которая была как сочное суфле, липкое.

Они ушли в сторону раздевалки при спортзале, к душевой. Диана шла первой, на ходу обернувшись на «Неву» и Павла. Павел не успел отвернуться. Впрочем, он и не пытался. Его сердце глухо билось в горле. Он заметил, что прижимает руку к стеклу. Ладонь была горячей, и вокруг пальцев появилась дымка. Павел убрал руку, но отпечаток ещё долго держался.

В 02:48 в конце коридора загорелся маленький жёлтый свет. Это был не телефон: Павел узнал бы его по голубоватому оттенку. Светил фонарик. Он остановился у двери архива, опустился к замку и погас.

Павел подошёл к окну. Отсюда до конца коридора было метров сорок. Он видел светлое пятно и что-то тёмное рядом, ростом с человека. Ни пола, ни одежды. Это что-то не двигалось. Потом свет погас.

Павел стоял, считая про себя. На ста двадцати он остановился. Его «клетка» сияла посреди тёмного этажа. Любой, кто стоял в торце коридора, мог видеть его целиком: прижатые к стеклу руки, лицо, мятую рубашку.

Он запустил правую руку себе в штаны и начал дико быстро мастурбировать, не издавая ни одного звука и не закрывая глаза.

Когда рука залипла от спермы он повернулся в сторону тусклого окна Павел вернулся к дивану, сел и записал в блокнот: «02:48. Фонарь у двери архива. -2 мин. Не разглядел». Он посмотрел на последнюю строку и ничего не добавил. Утром любой мог сказать, что фонарика не было.

В четыре утра его разбудил скрип колеса. Павел ещё не открыл глаза, но уже узнал звук: одно колесо уводило тележку влево.

По ту сторону стекла стояла Тамара с тележкой. Её халат был застёгнут на все пуговицы. Она посмотрела на лист со скотчем, затем на Павла. Потянула ручку двери, без надежды, просто проверяя. Красная лампочка не изменилась.

Тамара достала из тележки бутылку воды и поставила её у двери рядом с тарелкой Веры Николаевны. Потом взяла оба печенья с тарелки, сунула их в карман халата и положила на тарелку половину хлеба с сыром, завёрнутую в бумагу.

Она взяла лист «НЕ КОРМИТЬ», подцепила его ногтем, сняла целиком, сложила вдвое и бросила в мусорный пакет на тележке. Потом протёрла следы скотча тряпкой, пока стекло не заблестело.

Павел встал и подошёл к окну. Их разделяло всего три сантиметра стекла. Тамара показала пальцем на архив, затем на себя и покачала головой. Он не понял, что это значит: «Это была не я», «я ничего не видела» или «туда не ходите». Он кивнул, как она и ждала.

Тамара кивнула в ответ и покатила тележку дальше, к подсобке. Колесо продолжало скрипеть, пока звук не затих за поворотом.

Под утро, около шести, к окну подошёл Костя. Он был в носках и держал свёрнутый лист А4 со скотчем. Тамара свой выбросила, а Артём ночью напечатал запасной и оставил на принтере.

Костя посмотрел на чистое стекло, затем на листок. Развернул его. «НЕ КОРМИТЬ». Затем медленно смял лист в комок, обеими руками, будто лепил снежок. Увидев, что Павел не спит и смотрит на него, он сказал: «Спасибо». Видимо, за маму или за сообщение, которое Ринат «передаст».

Костя ушёл, сжимая лист в кулаке. Павел сидел на диване, подогнув ноги, и смотрел на бутылку у двери. Подумал, что сможет открыть её, только когда откроют дверь, и что пить хочется уже давно.

Сутки 3, 06:30

Рогов сам отпер «Неву». Он был выбрит, в свежей рубашке с запонкой в форме маленькой квадратной печати. Приложил ключ-карту к считывателю без паузы.

— Доброе утро, Павел. Как дела?

— Нормально.

Рогов протянул ему ключ от архива на кольце. Металл был холодный.

— Всё в порядке, — сказал он. — Я проверил. Ночью в архив никто не входил.

Павел взял ключ. Он хотел спросить, откуда Рогов знает, если ключ всю ночь был у него. Хотел спросить про фонарик. Но Рогов не уходил, стоял в дверях.

— Кстати, — сказал он. — Я посмотрел журнал регистрации. Вы правы: это ценное качество. Но у вас по 417/Д написано восемнадцатое число, а договор от двадцатого. Олег сказал, вы и сами это заметили.

— Да, заметил.

— Пожалуйста, исправьте до аудита. Аккуратно. Вашей рукой, чтобы почерк был одинаковым. — Рогов слегка склонил голову. — Аудит скоро.

Глава 5. Исправленному верить

Сутки 3, 06:41

Павел знал порядок исправления записей так же хорошо, как расположение стеллажей. Восемь лет назад он переписывал инструкцию по делопроизводству, когда в ней сменили шрифт и нумерацию. Пункт 4.7 он помнил наизусть: ошибочную запись нельзя подчищать, заклеивать или замазывать. Её зачёркивают тонкой линией так, чтобы текст оставался читаемым. Рядом пишут правильный вариант, ставят пометку «Исправленному верить», указывают дату и подпись.

Павел положил линейку под строку и аккуратно провёл по «18 октября». Линия легла ровно, и восьмёрка с левой петлёй осталась читаемой. Сверху он мелко написал «20 октября», а на полях добавил: «Исправленному верить. 06:41. Земсков». Подписался.

Убрав линейку в ящик и закрыв ручку колпачком, Павел услышал тихий щелчок. В блокноте, под ночной записью о фонарике, он добавил: «06:41. 417/Д. Журнал исправлен 18 на 20 по указанию Рогова С. И. Прежняя запись читаема (п. 4.7)». Он перечитал её дважды, но слова «по указанию» решил не подчёркивать.

Затем он открыл портфель. Открытка лежала в боковом отделении, как обычно: жёлтый цветок на белом фоне, крупный и наклонный почерк матери: «Пашенька, с днём рождения. Ешь горячее. Мама». За открыткой оставалось место, и Павел вырвал из блокнота двойной лист, чтобы переписать четырнадцать договоров: номера, даты, суммы, названия и общий адрес. В итоге получилось 67 340 000. Чтобы уместить всё на одной стороне, он писал мельче обычного. Сложив лист вчетверо, он вложил его в конверт за открытку цветком наружу.

В том же отделении он нашёл талон. Узкая полоска термобумаги сообщала: «Терапевт. Каб. 214. Пн, 10:20». Время печати внизу — 10:03. Павел держал её на ладони, думая, что это первое доказательство за трое суток, которое можно потрогать. Но талон подтверждал только одно: в понедельник в 10:03 он стоял у терминала в поликлинике. О часе дня, трёх часах или вечере он ничего не знал.

Тем не менее, Павел вложил талон в блокнот между страницами с ночными записями. К восьми утра у кухни выстроилась очередь. Вера Николаевна раздавала овсянку из большой кастрюли, на которой с внутренней стороны засохла вчерашняя гречка. Продукты теперь хранились в шкафу под раковиной, который она запирала. Вечером Артём навесил на дверцы металлическую петлю, а Вера Николаевна принесла замок.

— Сухари заканчиваются, деточки. Решение о доставке принимает Ринат. Пока по одной ложке масла.

Она присела перед шкафом, сняла связку ключей и нажала на жёлтый пластиковый брелок размером с палец. Тусклый жёлтый круг осветил нижнюю полку с крупой.

— Темно, как в погребе, — сказала она. — Хоть свет проведи.

Павел стоял третьим в очереди и смотрел на круг. Свет был слабый, желтоватый, с тёмным пятном посередине. Ночью он видел такой же круг у двери архива. С сорока метров через стекло освещённой «Невы» он не смог бы различить разницу между двумя брелоками или между брелоком и экраном часов.

Вера Николаевна выключила фонарик, достала пачку масла и, опираясь на колено, передала Павлу полную тарелку и ложку масла.

— Пашенька, тебе первому. Ты сегодня пострадал.

Он отошёл к подоконнику с тарелкой и записал, придерживая блокнот локтем: «Вера Н. — брелок-фонарик, жёлтый. Цвет похож, но не уверен». Овсянка успела остыть, прежде чем он закончил строку.

В девять утра солнце пришло с востока и осветило стекло «Невы». На внутренней стороне, на уровне груди, был виден отпечаток ладони: пять пальцев, мутный овал и смазанный след у основания большого пальца, как будто рука сдвинулась.

Первым обратил внимание Артём.

— О, Паш, ты здесь автограф оставил.

В его голосе не было злости, только интерес. Он подошёл ближе, за ним последовали ещё двое из закупок и Марина с блокнотом. Даже из кухни и от кулера отпечаток был виден. Тамара ночью протёрла стекло снаружи, но внутрь войти не могла.

Последней подошла Диана. Волосы у неё были влажные после душа, а на шее под ухом краснел маленький след. Она остановилась перед стеклом, глядя на отпечаток, и Павел увидел, как она принимает решение. Решение было недолгим.

— Я хотела промолчать, — сказала она ровным, немного усталым голосом. — Но раз уж все смотрят…

Марина подняла голову от блокнота.

— В половине первого я пошла в душ, — продолжила Диана. — Одна. Взяла воду из холодильника и пошла. Он был здесь. — Она указала на отпечаток, не касаясь стекла. — Просто стоял. Смотрел. Я вернулась минут через двадцать, а он всё ещё был там. Прилип.

Кто-то из закупок хмыкнул и тут же замолчал.

— Я понимаю, человек в стрессе, его заперли, этот свет… — Диана пожала плечом. — Я не скандалю, просто мне неприятно. Марина, я не знаю, как это правильно назвать.

— Обращение, — ответила Марина. — Я это зафиксирую. Это моя обязанность.

Она быстро записывала, не поднимая глаз. Павел увидел, как в блокноте появилась его фамилия и тире.

— Вы были не одна, — вдруг сказал Павел, хотя не собирался этого говорить.

— А с кем?

Тишина вокруг «Невы» накалилась. Из «Байкала» вышел Ринат: мятая футболка, свежая царапина на подбородке, телефон в руке.

Ринат обратился к Павлу: — Паша, ты что, обалдел? Я в «Байкале» спал, вот тебе слово. Олег, подтверди.

Олег, держа кружку у кулера, поставил её на поддон и ответил: — Первое: Ярыгин лёг в «Байкале» до 23:40, я только потом уснул. Второе: в половине первого я уже спал, ничего не видел. Третье: храп был весь вечер. С того места, где лежал Ярыгин.

— Храп, — подтвердил мужчина из отдела закупок. — Из-за него я и не спал.

— Во, — воскликнул Ринат. — Храп. Железное алиби.

Все, кроме Павла, засмеялись.

Артём заговорил мягко, как с ребёнком: — Паша, что ты там мог видеть? У тебя же четыре панели над головой, ты как в аквариуме. Тебя видно всем, а снаружи только своё отражение. Я эту комнату настраивал, знаю.

Павел сам это понимал. Ночью он думал: видно только то, что вплотную подходит к стеклу.

— Холодильник был открыт, — ответил он. — Было светло.

— Я брала воду, — сказала Диана, разводя руками. — Из холодильника. Одна. Ну что ты, Паш, тебе показалось. Только руками на меня смотреть не надо.

— Деточка, — вмешалась Вера Николаевна, подходя с кухни и вытирая руки о фартук. — Ты же ночью глаз не сомкнула, вот тебе и привиделось. Мне покойный Гена мерещится, стоит в дверях, в шапке. Уже двенадцать лет как похоронили.

Все засмеялись, с облегчением переводя разговор на Гена.

Артём взял служебный планшет и сфотографировал отпечаток пальца.

— Для истории, — сказал он.

— Пусть будет, — согласилась Диана.

Павел заметил руку Рината на загривке Дианы, её взгляд, устремлённый на «Неву», и царапину на подбородке Рината. Все смотрели на него как на человека, который недавно брился. Сказать об этом значило бы признаться, что он наблюдал за Ринатом ночью и сейчас. Упомянуть фонарик у архива, когда Рогов утром сказал, что никто туда не заходил, было бы ещё хуже.

— Я стоял у стекла, потому что не мог уснуть при свете, — объяснил Павел.

Это была правда, но не вся.

Он отметил, как легко и естественно получилось это объяснение: ровно, без пауз, с нужной долей усталости, словно запись в журнале, исправленная по пункту 4.7. Прежнее остаётся под линией, но никто не станет вглядываться.

— Ну вот, — сказала Вера Николаевна. — Никто не мог уснуть. Пойдёмте, деточки, каша стынет.

Марина закрыла блокнот: — Диана, сообщу Станиславу Игоревичу. Павел, вас тоже пригласят, просто для порядка.

Алина стояла у пожарного плана, не глядя ни на Диану, ни на Павла, а на отпечаток пальца и его смазанный след.

Около одиннадцати Алина заметила Павла у кулера. Он наливал воду в термос поверх холодного чая.

— Вы вчера начали говорить о записи, — сказала она. — Мы не договорили.

Павел закрыл кран.

— Если человек что-то видел, а сорок человек говорят, что этого не было, — сказал он, — что он должен делать?

— Вы спрашиваете как психолог или как свидетель?

— Как человек, который ведёт журнал.

Алина помолчала. В переговорной кто-то уронил степлер — звук прокатился до окон.

— Записать отдельно от того, что говорят другие, — сказала она. — И не торопиться выбирать: себе или им. Обычно на этом месте люди спешат. Но это понятно: одному очень холодно.

— Вы видели отпечаток, — сказал Павел.

— Видела. Внутри. — Она чуть наклонила голову. — Это доказывает, что вы трогали стекло. Больше ничего. Ни того, что говорит Диана, ни того, что видели вы.

— А что я видел?

— Вы мне ещё не сказали.

Павел посмотрел на термос. Крышка была мокрой, вода стекала на пальцы.

— Ничего важного.

Алина кивнула, будто именно этого ждала, но не потому, что ответ её устраивал.

— Можно ещё вопрос? Вам жаль Диану?

Вопрос был странный, и Павел ответил сразу, не думая:

— Нет.

Алина записала что-то в блокнот — одно или два слова.

— Спасибо. Это честно.

Она ушла в переговорную. Павел стоял с мокрыми пальцами и пытался понять, что только что сказал о себе. Три дня назад он сказал бы, что ему жаль их всех: Диану с её неприязнью, Рината с царапиной, Веру Николаевну с Геной в шапке. Он мог бы сказать это и сейчас, но это было бы ложью. Алина задала вопрос так, что врать не хотелось.

В половине второго дверь архива открылась без стука. Павел не запер её: днём он держал её на защёлке, чтобы слышать, кто подходит.

Диана вошла, закрыла за собой дверь и повернула защёлку. Прислонилась к двери спиной. От неё пахло корпоративным гелем для душа. Все за три дня стали пахнуть одинаково — тем самым гелем с зелёной крышкой.

— Уютно, — сказала она, оглядывая стеллажи. — Как в шкафу.

Павел остался сидеть. Закрыл блокнот, положив ладонь сверху.

— Вам что-то нужно найти?

— Мне? — Диана улыбнулась. — Нет. Ты у нас всё находишь.

Она подошла к столу, разглядывая корешки. Остановилась сбоку, так близко, что колено касалось подлокотника.

— Ну? Понравилось?

Павел молчал. Вентилятор под потолком скрипел.

— Ты же смотрел, — сказала она почти ласково. — Я видела. Даже не отвернулся. Ладошку прижал. Знаешь, мне даже приятно стало. Кто-то сидит в коробке и смотрит.

Она взяла его за запястье и завела руку себе за голову, положив на шею, под влажные волосы. Туда, куда ночью клал ладонь Ринат.

— Так? Вот так он делал?

Кожа под его ладонью была тёплая, чуть влажная, он чувствовал пульс, неожиданно спокойный. Своего он не слышал. Только тяжёлый и глухой, как ночью у стекла. Тело ответило раньше, чем он успел что-либо запретить. Диана это заметила. Опустила глаза, задержала взгляд, потом тихо засмеялась.

— Вот видишь. Говорил, не на меня смотрел.

Она отпустила руку. Павел убрал её сам и положил ладонь на колено.

— Теперь слушай. Ты ничего не видел. Ринат спал в «Байкале», храпел, ты слышал. Стоял у стекла, потому что не мог уснуть при свете. Если скажешь иначе…

Она обвела глазами комнату: стеллажи, стол, дверь.

Я скажу, что это ты меня сюда позвал, что закрыл дверь и полез. Окна нет, дверь закрыта. Ты ведь всем рассказываешь, как у тебя всегда всё закрыто. Ключ только у тебя.

Она наклонилась к самому его уху: — И у меня под ухом синяк. Все видели его утром. Как думаешь, кому поверят: мне или человеку, который всю ночь прижимался к окну?

Она выпрямилась, поправила волосы на шее и открыла защёлку.

— Спасибо, Паш! — громко сказала она в коридоре. — Нашла!

Дверь приоткрылась. Запах зелёного геля задержался в комнате дольше, чем её шаги.

Павел сидел неподвижно, пока вентилятор не затих на несколько секунд, а потом снова не зажужжал. Он открыл блокнот, написал: «13:30. Лебедева». Ручка остановилась на точке.

Больше он ничего не написал. Минуту смотрел на строку, потом взял линейку и зачеркнул её тонкой линией, как требовал пункт 4.7. Под линией слово оставалось читаемым. Подписи он не поставил.

Впервые за одиннадцать лет он не записал то, что произошло.

В три Олег пришёл за служебной запиской. Павел отдал её. Олег прочитал обе строки, развернул журнал и взглянул на исправление.

— «Исправленному верить», одна линия, прежняя запись читаема, — сказал он, кивнув. — Грамотно, по пункту четыре-семь. Аудиторы любят, когда исправления очевидны.

Он вложил записку в прозрачный файл.

Около архива через двадцать минут появился Рогов. Остановился в дверях, не заходя, и посмотрел на раскрытый журнал, будто знал, на какой странице он остановился.

— Видел, — сказал он. — Аккуратно. Линия тонкая, всё читаемо. По инструкции.

— По инструкции, — подтвердил Павел.

— Это хорошо, что читаемо, — произнёс Рогов без нажима, с тем же вниманием, что и вчера, когда говорил «вы видите то, чего не видят другие». — Сразу видно, что вы знали о расхождении и исправили сами. Своей рукой. Сегодня утром. Благодарю вас, Павел.

Он ушёл. Павел посмотрел на линию поверх восьмёрки.

Утром он её провёл, чтобы прежняя запись осталась: если кто-то спросит, было восемнадцатое. Теперь он прочитал ту же страницу глазами аудитора. Ответственный за сохранность архива, указанный в Приложении 2, за четыре дня до аудита знал, что журнал расходится с оригиналом. Не сообщил комиссии, а исправил сам. Папки, на которой вчера стояло восемнадцатое, уже не существовало. Существовали только его почерк: восемнадцать под линией, двадцать над ней и его подпись.

Страховка Павла была двойной. Рогов знал это ещё в шесть тридцать утра, когда говорил «вашей рукой, чтобы почерк был единый».

В половине седьмого Костя постучал в косяк. Дверь была открыта, но он постучал, тремя короткими ударами, и остался на пороге.

— Паша, можно?

— Заходи.

Костя не зашёл. Шнурок бейджа снова был намотан на пальцы, как во вторник утром.

— Я подходил к Ринату, спросить, ответила ли мама, — сказал он, глядя на стеллаж за спиной Павла. — Ну, вдруг она ответила, а он забыл передать, он же занят. Он спросил: «Какое сообщение?» Сказал, что ему ничего не передавали, что вы ничего не просили.

Павел положил руки на стол: — Я просил.

— Да, я понимаю, — торопливо закивал Костя. — Я так и подумал, что он забыл или я не так понял. Вы ведь сказали «передать», а не «передал». Я потом сообразил. Наверное, я не так понял.

Он извинялся. Павел видел, как Костя на ходу придумывал объяснение, где виноват был не Павел и не Ринат, а он, Костя, который «не так понял». Торопливо, лишь бы не думать, что один из них соврал.

Можно было сказать правду. Ринат велел сказать, что передал. Я почти так и сказал. Я соврал тебе, потому что ты накрутил шнур на пальцы и у тебя побелели подушечки, мне было тебя жалко и так было проще.

— Он, наверное, забыл, — сказал Павел. — Я просил. У него много дел.

— Да, — выдохнул Костя. — Да, конечно. Забыл.

Он постоял ещё, посмотрел на Павла и спросил: — А можно вы ещё раз попросите сегодня? Просто чтобы точно.

— Попрошу, — ответил Павел.

Костя кивнул, улыбнулся той же улыбкой, что и на собрании, когда над ним засмеялись, и ушёл. Шнурок он так и не размотал.

Павел открыл блокнот на вторнике. «Берёзкин. Спросить о сообщении матери», — строка осталась с первого вечера. Он долго смотрел на точку после неё и ничего не добавил.

Без десяти восемь Марина прошла в переговорную с маленьким латунным колокольчиком с ресепшена, которым раньше вызывали курьеров.

— Второе голосование через десять минут. Бланки у Олега.

Кресла вновь составили полукруг. Павел шёл мимо «Невы». Отпечаток по-прежнему был на стекле, но теперь кто-то обвёл его снаружи красным маркером и подписал печатными буквами: «ПАША БЫЛ ЗДЕСЬ».

Тамара вкатила тележку в «Неву» — днём дверь стояла открытой. Она остановилась перед отпечатком, посмотрела на него, затем на красную надпись по другую сторону стекла. Сняла бутылку с распылителем и тряпку с тележки.

— Тамара, не трогай! — весело крикнул Артём от урны. — Это вещдок!

Кто-то засмеялся.

Тамара брызнула на стекло изнутри и начала тереть круговыми движениями, неторопливо, как всегда протирала всё на этом этаже: столы, ручки, стаканы. Пальцы, ладонь, смазанный отпечаток у основания большого пальца уходили под тряпку один за другим. Затем она вышла, обошла стекло снаружи и так же неторопливо стёрла красный маркер. Буквы сопротивлялись, она брызнула ещё раз.

Стекло заблестело.

Павел стоял в проходе. Тамара ни разу на него не посмотрела. Она поставила бутылку на тележку, сложила тряпку другой стороной и покатила дальше. Колесо уводило её влево.

К колонне, где вчера.

Глава уже очень цельная: напряжение нарастает постепенно, а повторяющиеся детали — стекло, кольцо, журнал, подпись — связывают эпизоды и усиливают финал. Ниже — бережная редактура: я сохранил композицию и интонацию, поправил отдельные формулировки и убрал сравнение с Дианой в сцене перевязки, чтобы не отвлекать от происходящего.

Глава 6. Стекло

Сутки 3, 20:00

Кресла снова поставили полукругом, теснее, чем вчера: из «Байкала» вынесли ещё два, и задний ряд упёрся в кухонную стойку. Урна стояла на прежнем табурете. Под надписью «УРНА № 1» Олег дописал «/2» и, подумав, обвёл дробь рамкой.

Павел сел туда же, в третий ряд, с краю. Вчера он выбрал это место случайно. Сегодня оно считалось его, и занять его никто не попытался.

Час назад Павел стоял у принтера рядом с Ринатом.

Он подошёл, как обещал Косте, и успел сказать только:

— Мама Берёзкина.

— Помню, помню. — Ринат не поднимал глаз от телефона. — Слушай, Паш, давай по-взрослому. Ты мне — я тебе.

Он пролистал что-то большим пальцем и только тогда посмотрел на Павла.

— Мещерякова вчера сдала пустой. Это как в армии: строй стоит, а один сел на корточки. Станислав Игоревич такое замечает. Пусть сегодня отдохнёт в «Неве», подумает. Ты пишешь Мещеряковой. Берёзкин пишет Мещеряковой — он тебя слушает, я видел. А я при тебе пишу маме. При тебе, Паш. Честно.

— Голосование анонимное, — сказал Павел.

— Конечно, анонимное. Поэтому я и прошу, а не приказываю.

Павел подумал о четырёх панелях над диваном «Невы», о том, как они краснеют сквозь веки. Подумал о девяти голосах, которые Диана может собрать без всякой просьбы Рината, если захочет снова видеть его в аквариуме. Подумал о кольце, которое Лена крутила большим пальцем. Оно почему-то весило меньше всего остального.

— Покажите, — сказал он.

Ринат развернул к нему экран. Сверху стояло: «Берёзкина Нина Петровна».

— Номер из анкеты, — пояснил Ринат. — Контакт для экстренной связи. HR всё знает.

Он набрал сообщение не торопясь, чтобы Павел успевал читать: «Нина Петровна, добрый вечер. Костя на выездном проекте, у него всё хорошо, связь ограничена. С уважением, Р. Ярыгин, „Вектор-Трейд“». Нажал «отправить». Под сообщением появилась одна серая галочка.

— Доставлено, — сказал Ринат. — Видишь? Гуманно.

У матери Павла тот же мессенджер стоял на простом телефоне, и Павел знал: одна галочка означает «отправлено», а не «доставлено». Вторая появляется, когда сообщение доходит до аппарата. Он посмотрел на экран ещё секунду. Ринат уже убрал телефон.

Костю он нашёл у кулера.

— Ринат написал. Я сам видел.

На этот раз Павел почти не соврал. Костя закрыл глаза, и плечи у него опустились на сантиметр.

— Сегодня пиши Мещеряковой, — сказал Павел.

— А почему её?

— Так надо. Ей самой так безопаснее.

Последнюю фразу он услышал уже со стороны. Это был пункт 3.3: «Перевод производится в интересах указанного сотрудника». Павел сам читал его вчера на тёплом после принтера листе.

Костя кивнул.

— Порядок прежний, — сказал Олег. — Первое: одна фамилия. Второе: разборчиво. Третье: свою фамилию писать нельзя. Четвёртое: пустой бюллетень недействителен. Напоминаю это отдельно.

Последнее предложение он произнёс, не глядя на Лену. Смотреть и не нужно было: она сидела у окна, отдельно, между двумя пустыми креслами, которые никто не занял. Кольцо было на пальце, но сегодня она его не крутила. Руки лежали на коленях ладонями вниз.

Рогов стоял у колонны с чашкой. Алина — у пожарного плана. Диана, член комиссии, держала ведомость на скрещённых коленях. Под ухом у неё был тональный крем на тон светлее кожи.

Павел положил бюллетень на обложку блокнота и написал: «Мещерякова».

Буквы получились такими же ровными, как вчера у «Гусева». Он сложил бюллетень вдвое, потом ещё раз и подождал. Вчерашнее тепло не пришло. Не пришло вообще ничего, и Павел отметил это так, как отметил бы пустую графу в складском журнале: движения нет.

Через два кресла Костя писал, отвернувшись к стене. Писал долго, будто фамилия была длинная.

Подсчёт Олег вёл тем же голосом.

— Мещерякова. Мещерякова. Земсков. Мещерякова.

На третьей «Мещеряковой» Лена подняла голову. На шестой — опустила. Больше она не двигалась, и от этого казалось, что её голос считают особенно громко.

— Мещерякова. Земсков. Мещерякова. Ярыгин.

— Ну хоть кто-то меня любит, — сказал Ринат.

Посмеялись немного.

На тридцать каком-то бюллетене Олег остановился. Развернул лист, прочитал про себя, потом вслух:

— Рогов. — Он поправил очки. — Станислав Игоревич не является участником процедуры. Бюллетень недействителен.

У колонны Рогов поставил чашку на блюдце.

— Справедливо, — сказал он.

Лена смотрела на него через весь полукруг. Рогов выдержал её взгляд с той же внимательной доброжелательностью, с какой встречал любой взгляд, и первым отвёл глаза. Он посмотрел на часы, а не в её сторону.

— Итоги, — сказал Олег. — Всего сорок. Действительных — тридцать девять. Мещерякова — двадцать шесть. Земсков — девять. Ярыгин — два. Гусев — один. Шаров — один. — Пауза. — За себя я снова не голосовал.

Девять. Павел посмотрел на Диану. Она ставила в ведомости последнюю черту и что-то напевала беззвучно.

Лена встала. Кресло откатилось и стукнулось о кухонную стойку.

— Я отказываюсь, — сказала она. — Пункт четыре-один. Выход с этажа. Я ухожу. Сейчас.

Никто не засмеялся. Рогов кивнул, словно ждал именно этих слов и был рад, что их произнесли вслух.

— Это ваше право, Елена. Я его уважаю. Пункт четыре-два: заявление подаётся письменно коммерческому директору, то есть мне. Выход осуществляется в сопровождении охраны бизнес-центра. — Он посмотрел на часы во второй раз. — Пётр заступает в семь утра. Ночная смена сопровождение не осуществляет, проходная до семи закрыта для всех. В семь я лично провожу вас до лифта.

— А до семи?

— До семи действует Регламент. Вы его участник, пока заявление не исполнено. — Рогов повернулся. — Марина, примите, пожалуйста, заявление.

Марина уже несла бланк. Павел узнал шрифт: тот же принтер, та же печать HR, та же фиолетовая подушечка, след от которой со вчерашнего дня так и оставался у неё на большом пальце. Лена писала на колене, торопливо, сильно нажимая на ручку. Расписалась и отдала лист. Марина пробежала текст глазами и вложила его в прозрачный файл.

Ринат вёл Лену к «Неве» вежливо, на расстоянии шага. У двери она обернулась.

— Телефон. Мне нужно позвонить мужу. Дочь в восемь ложится, она без меня не ложится.

— Утром заберёте вместе с вещами, — сказал Ринат. — Короб опечатан. Вскрывать его ради одного человека — нарушение. Вы же сами за законность.

Вера Николаевна успела занести в «Неву» одеяло и тарелку раньше, чем Ринат приложил карту. Лампочка считывателя сменилась с зелёной на красную.

Перед этим Лена прошла мимо Павла. Остановилась, не близко.

— Вы же там вчера сидели, — сказала она тихо. — Вы знаете, какой там свет.

Павел знал. Он мог сказать, что свет не гаснет, что изнутри видно только собственное отражение, что в четыре придёт Тамара. Мог сказать «простите». Подходящих слов было много, и каждое что-то стоило.

— Там диван короткий, — сказал он. — Ноги лучше на подлокотник.

Лена посмотрела на него ещё секунду, будто сверяла номер на корешке, и вошла.

Учебная комната выходила дверью в коридор, ведущий к лифтовому холлу. От порога до «Невы» было шагов пятнадцать. Павел лёг на своё место у двери, под сквозняк. Пиджак свернул под голову, блокнот положил в нагрудный карман рубашки.

Костя устроился рядом, через одно одеяло. Он долго ворочался, потом зашептал в темноту:

— Паша. Спасибо, что попросили. Правда. Мама теперь спит спокойно.

— Спи.

— Вы хороший.

Павел не ответил. Костя ещё немного повозился и затих, как затихают дети, которым разрешили не бояться.

В начале второго в «Неве» постучали. Тихо, костяшками: два раза, потом пауза, потом снова два. Так стучат в квартиру, где могут спать.

Павел лежал с открытыми глазами и считал удары. Он делал так всегда, когда не мог остановить звук: в поликлинике, под дребезг вентилятора, вчера, когда стоял у стекла и считал до ста двадцати. Два, пауза. Два, пауза. Сорок. Шестьдесят.

Вчера к нему никто не пришёл, кроме Тамары в четыре. Он дожил до утра. До семи оставалось меньше шести часов, а в семь её проводят до лифта. Это было даже лучше, чем у него: у неё был выход.

Под этими мыслями шла ещё одна, и Павел разглядел её, как разглядывал строку под линией исправления. Мысль была простая: сегодня не я. От неё становилось легче, и это облегчение было физическим, как когда снимаешь с плеча тяжёлую сумку. Ему не было стыдно. Он заметил, что не стыдно, и записал бы это, будь у него свет.

К половине третьего стук изменился. Теперь стучали кулаком, плашмя, и стекло отвечало глухо, всей стеной.

— Откройте! — Голос был сорванный, тонкий. — Пожалуйста! У меня дочь! Мне нужно только позвонить!

Из «Байкала» кто-то крикнул:

— Да заткнись ты, бля! Люди спят!

Голос был мужской, сонный. Павел не узнал его. В «Байкале» засмеялись — двое или трое, коротко, как смеются в темноте, когда никто не видит лиц.

Стук прекратился. Потом начался снова, ниже, у самого пола, будто Лена сползла по двери и била уже сидя.

Павел натянул пиджак на голову. Ткань пахла его собственным потом и, слабее, зелёным гелем из раздевалки. Стук стал тише, но не исчез. Он доходил через пол, через плитку, через лопатки.

Рядом шевельнулся Костя.

— Паша, — прошептал он. — Там…

— Утром её выпустят, — сказал Павел из-под пиджака. — В семь.

Костя помолчал и отвернулся к стене.

В 03:17 разбилось стекло.

Звук был долгий, не как у разбитой чашки. Сначала удар, потом тяжёлый хруст, потом мелкий сыпучий шорох, будто на пол высыпали мешок соли. Сразу за ним раздался короткий крик — высокий, удивлённый, оборванный на середине.

Павел сел. Пиджак упал ему на колени. Он посмотрел на часы, прежде чем встать, и потом долго не мог себе этого простить. Он прощал себе многое, а это — нет: сначала посмотрел на часы.

Перед «Невой» горел её свет — белый и ровный. Стеклянная стена устояла. Разбился экран для презентаций на четвёртой стене: в чёрной панели зияла звёздчатая дыра, от неё по всей матрице разошлись трещины. На полу под экраном лежало опрокинутое кресло с выгнутой ножкой. Вокруг блестели чёрные осколки, тонкие и длинные, как стружка.

Лена сидела среди них, прижимая правое предплечье к животу. Кровь шла сквозь пальцы левой руки — ровно и неторопливо, будто ей некуда было спешить. Она стекала на светлую плитку и растекалась там, где плитку недавно мыли, по невысохшим разводам.

На стеклянной двери, на уровне груди, там, где вчера был отпечаток ладони Павла, остались новые следы. Не ладони, а кулаки: смазанные полосы от костяшек, одна за другой, и внизу короткие красные мазки. Сбитые костяшки кровили отдельно.

Тамара уже стояла у двери. Павел не слышал её тележки. Она прижимала к стеклу сложенное полотенце, показывая Лене: вот так. Потом подняла свою руку над головой: держи выше. Лена смотрела на неё, как на переводчика в чужой стране, и сделала, как показали.

Тамара обернулась к Павлу.

— Карта у Рината. Найдите.

На диване у окна в «Байкале» Рината не было. Олег сидел на своём месте, в очках, с прямой спиной, будто проснулся задолго до звона.

— Ярыгина нет с двух сорока, — сказал он. — Я отметил.

Павел пошёл к раздевалке. Под дверью горела полоска света, за дверью выключили воду. Дверь открылась раньше, чем он постучал. Ринат вышел в спортивных штанах, с мокрыми волосами и полотенцем на шее. От него пахло зелёным гелем. За его спиной, в глубине раздевалки, кто-то негромко засмеялся, но смех оборвался, когда Ринат закрыл дверь.

— Какого хуя, Паш?

— Мещерякова. Экран разбит. Кровь.

Ринат посмотрел на него с тем же искренним любопытством, с каким утром спрашивал, не охуел ли он.

— Много?

— Не знаю.

Ринат пошёл к «Неве». Не побежал. Павел шёл рядом и думал, что тоже не бежит.

У двери стояло уже человек шесть. Артём держал служебный планшет, но не поднимал его. Вера Николаевна держала аптечку — большую, белую, с красным крестом, из тех, что вешают на стену по требованию пожарной инспекции. Видимо, она хранила её в шкафу под раковиной вместе с крупой.

Ринат приложил карту. Лампочка стала зелёной.

Тамара вошла первой. Она опустилась на колени прямо в осколки: колени у халата были толстые, стёганые. Взяла руку Лены своей рукой в перчатке, развернула предплечье к свету и сразу накрыла его полотенцем, сложенным вчетверо.

— Держите, — сказала она Павлу, не оборачиваясь. — Вот здесь. Двумя руками. Выше сердца. Не отпускайте.

Павел встал на колени рядом. Под ним хрустнуло. Он положил ладони поверх полотенца, туда, куда показала Тамара, и прижал. Под тканью рука Лены была горячая и мокрая. Он чувствовал её пульс — частый, рваный, с перебоями. Павел не отреагировал на него: руки держали, потому что им велели держать.

Лена смотрела не на него, а на свою левую руку. Безымянный палец раздулся у основания, кольцо врезалось в кожу, а вокруг темнела ссадина. Кольцо разбило кожу, когда она била по стеклу.

Тамара сняла с тележки флакон жидкого мыла. Выдавила на палец, обвела вокруг кольца, потом подцепила его ногтем и стала поворачивать — медленно, по миллиметру, как отворачивают заржавевшую крышку. Лена втянула воздух сквозь зубы. Кольцо сошло.

Руки Павла были заняты. Тамара сунула кольцо ему в нагрудный карман рубашки, туда, где лежал блокнот.

— Подержите.

Он кивнул. Кольцо было скользким от мыла и тёплым от пальца. Он чувствовал его сквозь ткань, рядом с углом блокнота.

Алина прошла сквозь людей у двери, ни у кого не спрашивая разрешения. Присела напротив Тамары, отогнула край полотенца, посмотрела и вернула его на место.

— Артерия не задета, — сказала она ровно. — Порез длинный, глубокий. Нужно шить. Нужна скорая. — Она подняла голову. — Лена. Лена, посмотрите на меня. Вы хотели себя поранить?

— Я хотела выйти, — сказала Лена.

Она сказала это так просто, что несколько человек у двери переступили с ноги на ногу.

Рогов пришёл через четыре минуты после того, как открыли дверь. Позже Павел долго пытался понять, почему его поразила именно рубашка. Рогов был в рубашке, застёгнутой на все пуговицы, кроме верхней, с манжетами, застёгнутыми на запонки. В три часа двадцать одну минуту ночи.

Он остановился на пороге и не стал входить в осколки.

— Алина. Ваше профессиональное мнение: угроза жизни есть?

— Сейчас нет. Но ей нужно наложить швы. И ей нужен врач, не только хирург.

— Значит, угрозы жизни нет, — сказал Рогов. — Благодарю. Вера Николаевна, в аптечке есть стерильные полоски?

— Есть, Станислав Игоревич. И бинт есть, и перекись.

— Прекрасно.

Алина встала.

— Станислав Игоревич, это, по сути, ножевое ранение. Если не зашить, будет рубец, может быть инфекция, сухожилие я отсюда не…

— Алина, — мягко сказал Рогов. — Скорая — это протокол. Травма на рабочем месте, ночью, в запертом помещении. Они обязаны сообщить в полицию. — Он перевёл взгляд на Лену, и голос стал ещё мягче. — Елена, вы же не хотите, чтобы вашу дочь в половине четвёртого разбудили звонком из полиции? Чтобы она слушала, как отвечает папа? В семь Пётр отвезёт вас в травмпункт. Как мы и договорились: вместе с выходом. Это три с половиной часа.

Лена молчала. Кровь проступила сквозь полотенце под ладонями Павла и намочила ему пальцы.

— Павел, — сказал Рогов. — Вы спали ближе всех. Вы что-нибудь слышали до трёх?

Все повернулись к нему так же, как вчера на голосовании, будто полукруг был на шарнире. Павел стоял на коленях в осколках, держал чужую руку, а в кармане у него лежало чужое кольцо.

Стук костяшками: два, пауза. Шестьдесят. «Откройте, у меня дочь». «Да заткнись ты, бля!» Пиджак на голове. «Утром её выпустят».

— Нет, — сказал Павел. — Я спал.

Сзади, от двери, отозвался Костя:

— Я тоже ничего не слышал.

Сказал быстро, с готовностью, как ученик, который спешит повторить правильный ответ за отличником.

Алина посмотрела на Павла. Он не стал отводить глаза — просто перевёл их на полотенце, на свои пальцы, на красное под ногтями.

Ринат стоял у стены и вытирал мокрые волосы полотенцем с шеи. Тамара поднялась с колен, отряхнула с халата чёрную крошку и потянулась к тележке за совком.

— Клининг, не сейчас, — сказал Ринат. — Утром замоешь. Ты ж у нас по стеклу специалист.

Тамара выпрямилась. Совок был у неё в руке. Ринат смотрел на неё и улыбался, как на фотографиях с выпускного.

Тамара положила совок обратно на тележку и ничего не ответила.

Лену перевязали в «Неве». Алина стянула края пореза стерильными полосками — одну за другой, одиннадцать штук — и забинтовала сверху. Руки у неё были спокойные, а лицо — нет. Вера Николаевна держала бинт и приговаривала: «Ничего, деточка, до свадьбы», — пока не дошла до слова «свадьбы» и не замолчала.

Дверь «Невы» больше не запирали. Это не обсуждали, просто Ринат не стал прикладывать карту.

Около пяти Павел вышел к кулеру. Жалюзи в кабинете Рогова были подняты наполовину, горела настольная лампа. За столом друг напротив друга сидели Рогов и Лена. На столе лежала закрытая папка без номера на корешке. Рогов говорил, Лена слушала, положив забинтованную руку на подлокотник. Было видно, как двигаются губы Рогова — неторопливо, с паузами. Один раз он открыл папку, показал Лене какой-то лист и закрыл. Лена не взяла лист в руки.

Павел налил воды в термос и вернулся, не дожидаясь, пока она выйдет.

В шесть он открыл архив. Вентилятор дребезжал. Папка 417/Д стояла на месте, журнал лежал на столе раскрытым там, где он его оставил: на исправленной странице, восемнадцать — под линией, двадцать — над ней.

Павел сел и вынул блокнот из нагрудного кармана. Вместе с ним на стол выкатилось кольцо. Оно прокатилось по журналу полукругом и легло на «Исправленному верить».

Павел убрал кольцо обратно в карман и открыл блокнот на чистой строке. Пальцы были отмыты, но под ногтем указательного осталась тёмная кайма.

Он написал:

03:17. «Нева». Мещерякова Е. Разбит экран, порез правого предплечья. Первую помощь оказали Тамара, Алина. До 03:17 — спал.

Перечитал. Пять строк ровным почерком, без исправлений. Четыре из них были правдой.

Вчера он не записал то, что случилось. Сегодня записал то, чего не было. Он подумал, что это следующий шаг, и подумал об этом спокойно, тем же голосом, каким Олег зачитывал итоги. Линию он проводить не стал. Пункт 4.7 касался ошибочных записей, а эта не была ошибочной. Она была именно такой, какой он её написал.

Он поставил подпись.

В шесть пятьдесят у кухни раздавали овсянку. Лена стояла в очереди четвёртой. Правая рука висела на перевязи из свёрнутого платка Веры Николаевны, левой она держала тарелку. На безымянном пальце, там, где одиннадцать лет было кольцо, виднелись белая полоска незагорелой кожи и ссадина.

В шесть пятьдесят пять Марина подошла к Рогову и вынула из прозрачного файла лист. Рогов взял его, прочёл, кивнул и вернул Лене. Лена сложила лист одной рукой, неловко, прижимая к стойке, и опустила в мусорное ведро у раковины.

— Коллеги, — сказал Рогов.

Он стоял у колонны с чашкой.

— Минуту внимания. Ночью Елена поскользнулась на мокром полу и при падении задела экран в переговорной. Травма бытовая, акт составлен, помощь оказана. Елена попросила оставить её в режиме, и я этой просьбе рад. Прошу никого не обсуждать случившееся сверх необходимого. Ей и так непросто.

Лена ела овсянку левой рукой и смотрела в тарелку. Под актом, Павел был уверен, стояла её подпись. Та же, что вчера на заявлении, только поставленная левой рукой и потому похуже. Ниже была фраза, которую он знал наизусть из пункта 5.3: претензий не имеет.

В семь ровно Тамара вкатила тележку в «Неву». Брызнула на стеклянную дверь и стала стирать красные полосы от костяшек круговыми движениями, неторопливо, как всегда. Потом смела в совок чёрные осколки. Затем встала на колени и тёрла плитку, пока вода в ведре не стала розовой.

Пётр так и не поднялся на седьмой этаж.

Павел стоял у подоконника с тарелкой. Лена прошла мимо него к раковине, споласкивать тарелку одной рукой. Она не посмотрела на него и не спросила про кольцо.

Кольцо лежало у него в нагрудном кармане, рядом с блокнотом, где под подписью значилось «спал». Павел чувствовал его, когда вдыхал.

Он не предложил.

Глава 7. Приёмка

Сутки 4, 07:20

Кольцо Павел носил в нагрудном кармане до утра. Ночью он несколько раз просыпался и, ещё не открыв глаз, проверял пальцами два предмета: угол блокнота и кольцо рядом с ним. Пиджак так и лежал под головой. Плитка за ночь вытянула из спины всё тепло, и Павел встал медленно, как старик.

В архиве дребезжал вентилятор. Журнал был раскрыт на исправленной странице. Павел закрыл его, не перечитывая.

Он выдвинул короб с буквой «Т» и разложил на столе подшивку «ТрансЛайн-Ресурс», затем «СеверСнаб-Логистик» и «Альфа-Терминал Групп». Во вторник он проверял в этих бумагах суммы, даты и адрес. Подпись Рогова под договорами он тоже проверил. Акты просмотрел только на предмет услуг: хранение, экспедирование, названия, которые менялись местами. Нижний край листа он во вторник не читал. Там была графа, на которую в архиве никто не обращал внимания, потому что она имелась в каждом акте.

«Услуги оказаны в полном объёме и в установленный срок. Заказчик претензий по объёму, качеству и срокам оказания услуг не имеет».

Под этой строкой с одной стороны стояли печать исполнителя и неразборчивый росчерк, с другой — графа «От Заказчика». В ней — аккуратная подпись с полной расшифровкой, написанная по-женски, с наклоном: «Ведущий специалист отдела логистики Мещерякова Е. В.».

Павел перевернул следующий акт, потом ещё один. Подпись Лены стояла под каждым из четырнадцати. На поздних актах она была быстрее и короче: буквы «щ» и «р» сливались в одну волну. На ранних Лена расписывалась старательно, как в первый год работы.

«Претензий не имеет». В пункте 5.3 Регламента стояли почти те же слова. Павел подумал, что формулировки составил один человек, и тут же поправил себя: составить их мог кто угодно, это стандартный текст. Но поправка ничего не изменила.

Он взял копии платёжных поручений. В правом верхнем углу каждого стоял штамп «К оплате», а под ним — виза мелким прямым почерком: «Шаров О. Б.» и дата. Олег визировал всегда на следующий день после акта — ни разу не позже и ни разу не раньше.

Последним Павел открыл реестр передачи копий в архив. Ведомость из четырёх граф он завёл сам семь лет назад, когда копии стали приносить коробами: дата, наименование, количество листов, «Принял». В графе «Принял» напротив каждой из четырнадцати позиций стояла его подпись. Он узнал её раньше, чем прочитал, — по хвосту буквы «З», который всегда уходил под строку.

Павел достал блокнот и под вчерашними записями начертил таблицу в четыре столбца: «Договор», «Акт», «Платёж», «Архив». В первом столбце четырнадцать раз написал «Рогов», во втором — «Мещерякова», в третьем — «Шаров», в четвёртом — «Земсков». Потом пересчитал клетки, хотя заранее знал результат. Пятьдесят шесть подписей, четыре человека.

Теперь он понимал, что Рогов показывал Лене в пять утра. Он не грозил ей увольнением и не говорил о дочери. Он показал ей её собственную руку — четырнадцать раз.

В ящике стола лежала полупустая пачка бумажных салфеток. Павел вытер ладони, хотя они были сухими.

В десять минут девятого в дверь постучал Олег Шаров — по-своему: три удара на одинаковом расстоянии друг от друга.

— Павел, мне нужны копии платёжных поручений по трём контрагентам. Для предаудиторской сверки. Перечень я подготовил.

Перечень был напечатан на принтере. В нём стояли те же три названия. Павел молча положил на край стола уже собранные файлы. Олег посмотрел на них, потом на Павла.

— Вы уже подготовили.

— Я их сверял.

Олег сел, хотя его не приглашали, и разложил поручения в один ряд — как раскладывал бюллетени на подоконнике. Он смотрел на свои визы и не торопился. Павел видел, как Олег трогал ногтем край штампа, будто проверял, не отклеится ли тот.

— Первое: я визировал по реестру актов, а не по первичным документам. Регламентом документооборота это допускается. Второе: проверка фактического оказания услуг не входит в мои полномочия, акт подписывает заказчик. Третье…

Он замолчал. Павел ждал. За четыре года он ни разу не слышал, чтобы у Олега не нашлось третьего пункта.

Олег снял очки и протёр их краем галстука — чего никогда не делал при людях.

— Выдачу оформите, пожалуйста, по журналу.

Павел записал выдачу в журнал: дата, время, количество листов, «Получил». Олег расписался прямым мелким почерком и сложил файлы в папку.

— Аудит в понедельник, — сказал он у двери, не оборачиваясь. — Через три дня. Я проверил.

Когда дверь закрылась, Павел увидел, что в журнале выдачи теперь стоит и подпись Олега: восьмое число, 08:22, сорок два листа. Тот, кто будет листать журнал после понедельника, узнает, что за три дня до аудита Шаров О. Б. забрал из архива копии своих виз. Павел знал, как это прочитают, потому что сам теперь читал так же.

Отдел логистики занимал четыре стола у северных окон. Солнце туда не доходило, и с утра горели настольные лампы. Лена печатала левой рукой, медленно, одним пальцем. Правая рука лежала на перевязи из платка Веры Николаевны, и сквозь бинт на внутренней стороне предплечья проступала бурая полоса.

Павел остановился у её стола. Кольцо лежало в нагрудном кармане, и он чувствовал его на вдохе.

— Что он вам показал?

Лена допечатала слово, нажала пробел и только после этого подняла глаза.

— Вы и так знаете, раз спрашиваете.

— Акты.

— Акты, — кивнула она. — Четырнадцать штук. Он разложил их веером, как карты. Я подписывала их два года. Ринат приносил стопкой: «До обеда, срочно, Станислав Игоревич уже подписал». Я смотрела форму, реквизиты, суммы. Склад не проверяла. Склад — это другой отдел.

Она говорила ровно, тем же голосом, каким при сорока свидетелях сказала: «Это незаконно». Только теперь голос был тише, а последние слова в каждой фразе проседали.

— Он ничем мне не угрожал, — сказала Лена. — Понимаете? Ни слова не сказал про увольнение. Сказал, что понимает, как это бывает: приносят, торопят, у всех ипотека. Спросил, сколько дочери лет. Сказал, что в понедельник аудиторы спросят, кто принимал хранение, которого не было, и что он постарается, чтобы спрашивали не меня. Если будет ради кого стараться.

Она повернула монитор к себе, хотя Павел и так не видел экрана.

— Там и вы есть, — сказала она. — Реестр. И страница журнала, где вы исправили дату. Ксерокопия. Он показал её последней и сказал: «Даже Павел Андреевич понимает, как правильно». Я тогда подумала, что раз уж вы…

Она не договорила. Павел поймал себя на том, что держит пальцы у кармана рубашки. Он убрал руку.

— Вы слышали меня ночью, — сказала Лена. Это был не вопрос. — Вы лежали в пятнадцати шагах.

— Я спал.

Лена посмотрела на него так же, как во вторник смотрела на Регламент: по одному пункту, с карандашом в руке.

— Хорошо, — сказала она. — Я не спорю. Мне просто интересно: вы сами в это верите или так проще?

Она повернулась к клавиатуре и нажала одну букву. Про кольцо она так и не спросила. Павел постоял ещё немного и ушёл. Ему казалось, что кольцо в кармане стало тяжелее. Он знал, что такого не бывает.

Около полудня Марина пригласила его к Рогову, как и обещала накануне: «Просто для порядка».

Жалюзи в кабинете были опущены наполовину. На столе лежала папка без номера на корешке — та самая, но теперь Павел видел, какая она толстая: сантиметра три, а сбоку торчали разноцветные закладки, как перья. Рогов сидел, сложив руки на папке.

— Павел, присаживайтесь. Ничего неприятного, обещаю.

Он открыл папку на жёлтой закладке, вынул два листа и положил перед Павлом. Первым был блокнотный лист, переписанный Мариной начисто: «Обращение Лебедевой Д. А. Суть: наблюдение со стороны Земскова П. А. через стекло переговорной…» Вторым — распечатка фотографии с планшета Артёма: отпечаток ладони на стекле в утреннем свете, все пять пальцев, смазанный след у основания большого.

— Я предложил Диане не давать обращению хода, — сказал Рогов. — Она согласилась. Это было несложно. Диана человек эмоциональный, но отходчивый.

Он перевернул лист с отпечатком лицевой стороной вниз, будто тот мог смутить Павла.

— Я хочу, чтобы вы правильно поняли эту папку. — Рогов положил ладонь на корешок. — Это не против вас, Павел. Это для вас. Пока она лежит здесь, закрытая, никто вас не тронет. Ни Диана, ни аудиторы, ни коллектив, который, согласитесь, бывает несправедлив.

Под жёлтой закладкой Павел разглядел край ещё одного листа: серую ксерокопию с зернистыми полями. На ней виднелась линейка граф журнала регистрации и тонкая линия поверх цифры в одной из строк.

— Что там ещё? — спросил он.

Рогов улыбнулся по-настоящему, почти тепло.

— Все мы, Павел. Опись. — Он закрыл папку. — У каждого в ней своя страница. И у меня тоже. Свою я веду сам.

Он помолчал, глядя на запонку на манжете, и повернул её на полоборота.

— Есть ещё один момент, о котором мне не очень удобно говорить. Алина Викторовна по моей просьбе наблюдает за коллективом. Это её работа, и я не вправе ей мешать. Утром она сказала, что беспокоится о вас. Она употребила слово «диссоциация». Провалы в памяти, ложные воспоминания при сильном стрессе. Замок, который вы будто бы запирали, папка, которую вы будто бы видели с другой датой. Ночное наблюдение через стекло. — Рогов развёл руками. — Я не специалист. Но в понедельник аудиторам потребуется ответственный за архив, которому можно доверять. Я бы очень хотел, чтобы это были вы. Мне было бы жаль, если бы вместо этого в материалах оказалось заключение психолога.

— Она так сказала? «Диссоциация»?

— Спросите у неё, — мягко ответил Рогов. — Хотя на вашем месте я бы, пожалуй, не стал. Люди её профессии всё записывают, вы же знаете. Даже вопросы.

Он поднялся, давая понять, что разговор окончен.

— Благодарю вас, Павел. И, пожалуйста, ешьте. Вера Николаевна говорит, вы опять пропустили завтрак.

Около трёх Ринат нашёл его у кулера. Он подошёл сбоку, налил себе воды и выпил стоя, не глядя на Павла.

— Сегодня Верховцева, — сказал он в стаканчик. — Чужая. Ни в штате, ни в описи. Каждое утро к шефу на доклад, ты сам видел. Сидит, строчит. Что она, по-твоему, строчит, Паш? Стихи?

Павел не ответил.

— Я тебя не прошу, — сказал Ринат, смял стаканчик и бросил в корзину. — Я тебя информирую. Чувствуешь разницу? Вот она тебя, похоже, не информирует.

Он ушёл к Диане. Диана сидела на краю своего стола, болтала ногой и, увидев Павла, помахала ему пальцами.

— Паш! Твоя Алина у Маринки с утра выясняла, кто где ночью лежал и кто когда вставал, — крикнула она через проход, не понижая голоса. — Особенно ты. Прям интересовалась.

Марина подняла голову от блокнота.

— Алина спрашивала о размещении, — сказала она. — Обо всех. Для порядка.

Она произнесла это ровно, без уточнений, и снова опустила глаза. Павел понимал, что «обо всех» может означать что угодно, и не стал переспрашивать. Он вернулся в архив, открыл блокнот и нашёл запись о беседе с Алиной в среду: «Вы часто так говорите? Проще кому?» Под ней — запись за четверг: «Вам жаль Диану? — Нет». Её ответ: «Это честно». И как она тогда что-то записала — одно слово или два.

Он не знал, какое слово она записала. Раньше его это не тревожило.

В шесть Вера Николаевна выдавала ужин: по половине пачки сухарей на человека и банку тушёнки на четверых. Тушёнку она открывала сама, ножом с деревянной ручкой, и раскладывала вилкой по одноразовым тарелкам.

— Ринат решает с доставкой, деточки. Завтра, может.

Шкаф под раковиной она запирала сразу, как доставала очередную банку, и каждый раз проверяла, дёрнув дужку. Жёлтый брелок на связке звякал о ключи.

Костя сел рядом с Павлом на подоконник, держа тарелку двумя руками.

— Паша, а сегодня кого?

Он спросил так, как спрашивают дорогу, — без вызова и без страха, уверенный, что ответ существует и Павел его знает.

— Верховцеву.

Костя перестал жевать.

— Алину? Она же добрая. Она со мной в среду разговаривала, про маму спрашивала.

— Добрые там спокойнее спят, — сказал Павел. — Её никто не тронет. Она посторонняя.

Костя подумал над этим, и Павел видел, как он находит фразу правильной: в ней были забота, безопасность и порядок.

— Понятно, — сказал Костя. — Мама, кстати, так и не ответила. Но ей же некогда, она в поликлинику по пятницам. Да?

— Да.

Костя доел и пошёл выбрасывать тарелку. Павел достал из портфеля конверт, вынул из нагрудного кармана кольцо и вложил его в конверт, за открытку, рядом со сложенным вчетверо листом с четырнадцатью договорами. Жёлтый цветок оставался снаружи. «Пашенька, с днём рождения. Ешь горячее. Мама».

Теперь конверт был толще с одной стороны. Павел убрал его в боковое отделение и застегнул молнию до конца.

Сутки 4, 20:00

Под надписью «УРНА № 1/2» Олег дописал «/3» и обвёл дроби общей рамкой. Рамку он провёл по линейке.

Павел сел в третьем ряду, с краю. Алина стояла не у пожарного плана, а у колонны, на месте Рогова. Сам Рогов сегодня сидел в первом ряду, в кресле, как рядовой участник, с чашкой на колене. Алина держала блокнот закрытым и смотрела в окно, хотя за ним были только чёрный двор и огни соседнего корпуса.

— Порядок прежний, — сказал Олег. — Пустой бюллетень недействителен. Фамилии лиц, не являющихся участниками процедуры, недействительны.

Павел написал «Верховцева». Длинная фамилия легла ровно, буква к букве, как папки на правильной полке. Он ничего не почувствовал. Только подумал, что всё сделано по порядку и правильно — так же точно, как составлена опись. Он сложил лист вдвое, потом ещё раз.

Олег читал вслух:

— Верховцева. Верховцева. Земсков. Верховцева. Верховцева.

Алина не обернулась. На восьмой раз, когда прозвучала фамилия «Верховцева», она открыла блокнот и что-то записала, не опуская глаз на страницу.

— Итоги. Всего сорок, действительных сорок. Верховцева — двадцать четыре. Земсков — восемь. Ярыгин — три. Гусев — два. Мещерякова — один. Берёзкин — один. Шаров — один. — Пауза. — За себя я не голосовал.

Рогов поставил чашку на подлокотник и повернулся к колонне.

— Алина Викторовна, мне, право, неловко. Вы не сотрудник компании, вы вправе…

— Я подписала Регламент, — сказала Алина. — Как все. Я пойду.

Она прошла через полукруг, не торопясь. Люди убирали колени с её пути. У третьего ряда она остановилась напротив Павла, на расстоянии шага, и сказала совершенно обычным голосом, каким просят передать соль:

— Запишите, пожалуйста, что я пошла сама. У вас это получается точнее, чем у остальных.

И пошла дальше.

Экран в «Неве» Артём заклеил чёрным мусорным пакетом, крест-накрест обмотав его скотчем. Плитка блестела: Тамара домыла её ещё днём. Ринат шагнул к считывателю с картой в руке.

— Не нужно, Ринат, — сказал Рогов, не вставая. — Алина Викторовна взрослый человек.

— Как скажете.

Ринат убрал карту в задний карман. Лампочка осталась зелёной.

Алина вошла, села за стол лицом к стеклу и положила перед собой блокнот. Дверь она закрыла, но не до щелчка.

Учебная комната выходила в коридор, и отсюда, с места у двери, «Неву» было видно целиком. Как и в четверг, она светилась посреди тёмного этажа. Алина сидела в этом свете и писала. Она не вставала, не подходила к стеклу и не пыталась выключить свет. Она писала часами, иногда останавливалась, смотрела перед собой и продолжала.

Павел лежал на боку и смотрел, как движется её рука. Букв на таком расстоянии было не разобрать. Он угадывал только длину строк: короткие, длинные, снова короткие. Ловил себя на том, что пытается по длине строки понять, о нём она или нет, — и на том, что не может перестать.

Костя спал, отвернувшись к стене, ровно, как спят люди с чистой совестью.

В час ночи Алина перевернула страницу. В два — ещё одну. Её дверь всё время оставалась незапертой. Никто к ней не подходил: ни Ринат, ни Диана, ни Вера Николаевна с тарелкой. В «Байкале» храпели. Павел подумал, что Алина сидит взаперти, хотя никто её не запирал, и что это хуже, чем в четверг у Лены. Потом подумал, что Алине, наверное, всё равно. Ей вообще было легче: у неё был другой город, другой офис, другая жизнь за пределами этих трёх стеклянных стен. Ей было куда вернуться. Мысль была неприятная, похожая на зависть, и Павел оставил её лежать, не разглядывая.

В четыре заскрипело колесо.

Тамара подкатила тележку к «Неве», толкнула дверь, и та открылась. Тамара немного постояла на пороге, словно проверяя, правда ли дверь открыта, потом вошла. Поставила на стол бутылку воды и что-то в бумаге. Алина подняла голову и, кажется, улыбнулась.

Тамара не стала протирать стекло. Она отодвинула кресло и села. Павел не видел, чтобы она садилась хоть где-нибудь на этом этаже: ни в архиве во вторник, ни у подсобки.

Они разговаривали минут десять. До Павла не долетало ни слова, только было видно, как двигаются их губы. Говорила в основном Алина, Тамара отвечала коротко. Один раз Тамара повернулась и показала рукой в коридор, в сторону учебной комнаты, прямо на его дверь. Алина проследила за её рукой и что-то записала.

Потом Тамара встала, задвинула кресло на прежнее место и вышла. Колесо уводило влево. Она катила тележку не к подсобке, а по коридору, к учебной комнате, и остановилась у порога, у самой щели, из которой тянуло.

Павел не притворялся спящим. Он смотрел на неё снизу, с пола.

— Не спите, — сказала Тамара. Не спросила — просто сказала.

— Нет.

— Она спрашивала про ту ночь. Про Лену. Спали вы или нет.

Павел приподнялся на локте. Пиджак сполз с плеча.

— И что вы сказали?

— Что не спали. — Тамара поправила на тележке рулон пакетов. — Я в два мимо шла с ведром. Вы лежали под пиджаком, а нога дёргалась. Кто спит, у того так не дёргается. У меня муж так лежал, когда притворялся.

Она сказала это так же, как во вторник сказала про понедельник: «Дверь была заперта, свет не горел». Без нажима и без упрёка, как говорят о погоде.

— Зачем? — спросил Павел.

Тамара немного подумала, будто вопрос был трудный.

— Она спросила, — сказала она.

Потом показала на бутылку в боковом кармане тележки.

— Воды хотите?

— Нет.

Тамара кивнула. Серый халат снова был застёгнут не на ту пуговицу у горла, и одна сторона воротника поднималась выше другой. Во вторник Павел заметил это сразу и тогда же подумал, что надо бы сказать. Не сказал из неловкости.

Сейчас он тоже заметил это сразу и опять не сказал. Неловкость была ни при чём.

Тамара покатила тележку к подсобке. Колесо поскрипывало, пока звук не потерялся за поворотом.

Павел сел, вынул из нагрудного кармана блокнот и в полосе света из коридора открыл его на последней записи: «03:17. „Нева“. Мещерякова Е. … До 03:17 — спал». Подпись. Строку он не тронул. Линию проводить было не по чему: запись была не ошибочной, а опровергнутой. Пункт 4.7 о таком ничего не говорил.

Ниже, на чистой строке, он написал мелко и ровно:

«04:10. Тамара — Верховцевой: „не спал“. Видела в 02:00 из коридора. Ведро».

Слово «Ведро» он добавил для точности: оно подтверждало, что Тамара действительно проходила мимо. Он перечитал запись дважды. Это была не запись о событии. Это была запись о свидетеле.

Он закрыл блокнот и положил его во внутренний карман, рядом с тем местом, где весь день лежало кольцо. Теперь там было пусто. Павел подумал, что у Рогова для каждого есть своя страница и что свою Рогов ведёт сам.

В «Неве» Алина перевернула страницу.

Глава 8. Опись имущества

Сутки 5, 06:58

Алина вышла из «Невы» в 6:58, оставив дверь открытой. Всю ночь её никто не запирал. Она держала блокнот закрытым, прижимая его локтем к боку, как газету.

Павел не спал. Он сидел на полу учебной комнаты спиной к стене и смотрел, как она идёт по коридору. Тень лежала под её глазами, волосы были гладко собраны, как в понедельник. Она шла обычным шагом.

У двери учебной комнаты Алина остановилась:

— Вы записали?

Павел достал блокнот, открыл его на пятничной дате и вписал: «06:58. Вышла сама». Он расписался.

Алина посмотрела на подпись:

— Спасибо.

Она пошла к кулеру. Павел ещё некоторое время смотрел на две строки: вечернюю и утреннюю. Между ними была целая ночь, но в блокноте осталась только запись: «04:10. Тамара — Верховцевой: „Не спал“». Казалось, за ночь ничего не произошло.

В 7:30 Вера Николаевна присела перед шкафом под раковиной, сняла связку ключей и открыла замок. Дужка открылась легко, без щелчка. Она несколько секунд держала замок на ладони.

Затем заглянула внутрь и нажала на брелок. Жёлтый круг осветил нижнюю полку. Пачки с крупой стояли на своих местах. Пустая коробка из-под сухарей лежала боком, как её оставила Вера Николаевна. Слева от вчерашних шести банок тушёнки с синей этикеткой теперь было только две. Пачки сахара не оказалось.

— Деточки, — сказала она тихо, но строго. — Кто брал?

Тут же подошли люди. Голод за пять дней сделал их чуткими к слову «брал». Артём наклонился над её плечом и заглянул в шкаф.

— Четыре банки и сахар, — сказал он. — Вера Николаевна, вы точно вчера…

— Я тридцать лет на складе работала. Шесть банок было, когда я запирала. Я дёрнула замок, он был закрыт.

— А сейчас?

— И сейчас закрыт.

Ринат вышел из «Байкала», подошёл к шкафу и спросил, что случилось. Он пересчитал две банки вслух.

— Доставки не будет, — сказал он. — Бизнес-центр закрыт на выходные, курьеров не пускают. В понедельник, в 7 утра, вместе с Петром.

— До понедельника? — спросил кто-то из закупок. — На двух банках?

— На двух банках. И на крупе. И на том, что кто-то вернёт.

Он оглядел всех у раковины. Сорок человек стояли, как в среду.

— Ключ у кого?

— У меня. Всегда на поясе.

— А ночью?

Она замялась:

— Под подушкой.

— Это не всегда, — сказала Диана.

— Значит так, — сказал Ринат. — Сохранность имущества — отдельный пункт. Регламент это позволяет. Все приносят сумки сюда, к кухне, и мы проверяем. По очереди. Кто не брал, тому нечего бояться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.